

INSPIRIA

МЕГАН БРЭНДИ

КОРОЛИ *старшей* ШКОЛЫ

нецензурировано
18+
содержит

INSPIRIA

Меган Брэнди
Короли старшей школы
Серия «Pink Room. Элитные
парни Меган Брэнди»

Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67919490
Короли старшей школы: Эксмо; Москва; 2022
ISBN 978-5-04-172532-7

Аннотация

Меган Брэнди – автор бестселлеров USA Today и Wall Street Journal. Она помешана на печенюшках, обожает музыкальные автоматы и иногда говорит текстами из песен. Ее лучший друг – кофе, а слова – состояние души

«Короли старшей школы» – третья книга в серии о братьях Брейшо. Узнайте, чем закончится история Рэйвен и Мэддока.

Семья – это не только общая кровь.

Семнадцатилетняя Рэйвен знает, что иногда приходится пожертвовать самым ценным, чтобы сохранить жизнь. Она готова на все ради защиты братьев Брейшо. Даже если для этого придется заключить рискованную сделку со старыми врагами.

Согласно договору между семьями, Рэйвен придется сделать нелегкий выбор: отказаться от любви к Мэддоку или выйти замуж за одного из Грейвенов.

Им нужна послушная жена. Они получают дерзкую королеву.

«Если нужно описать "Парней из старшей школы" одним словом, то это будет НЕВОЗМОЖНОВЫПУСТИТЬИЗРУК». – *Бибби Истон*

«Вкусная. Сексуальная. Волнительная. Всепоглощающая книга. Приготовьтесь к самому сильному книжному похмелью в своей жизни». – *Maple Book Lover Reviews*

Содержит нецензурную брань

Содержание

Краткое содержание	7
Дорогой читатель,	8
Пролог	9
Глава 1	13
Глава 2	18
Глава 3	34
Глава 4	45
Глава 5	52
Глава 6	61
Глава 7	73
Глава 8	82
Глава 9	95
Глава 10	112
Глава 11	118
Глава 12	128
Конец ознакомительного фрагмента.	133

Брэнди Меган

Короли старшей школы

Посвящение:

Слабым, сильным, тем, кто надеется.

Мы одинаковые.

Спасибо за то, что остаетесь собой.

Meagan Brandy
Reign of Brayshaw

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Copyright © 2019. REIGN OF BRAYSHAW by Meagan Brandy the moral rights of the author have been asserted
© Т. Косорукова, перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2022

Краткое содержание

Доверяй только тем, кто это заслужил.

Я следую за чувством, которое неизвестно куда ведет, но требует больше ответственности, чем что-либо прежде.

Одно решение, пять жизней, три будущих.

Вот что поставлено на карту.

Одна ночь, один выбор, четыре сломанных Брейшо.

Вот что нас ждет.

Если я не остановлю это.

Я *должна* остановить это.

Я должна напомнить ему о том, что он предпочел забыть.

Мой город. Мой выбор. *Моя* концовка.

Дорогой читатель,

«Короли старшей школы» – третья книга в моей серии о Брейшо. Чтобы понять эту часть и получить удовольствие от чтения, нужно прочитать первую книгу «Парни из старшей школы» и вторую «Неприятности в старшей школе», так как третья книга начнется с того, на чем остановилась предыдущая. Большое вам спасибо, что читаете!

Пролог

– Мальчик мой, – зовет меня мисс Мейбл с крыльца, хлопая по сиденью рядом с собой. – Подойди. Присядь.

Я слушаюсь. Я всегда ее слушаюсь и делаю что она говорит, иначе она может не захотеть остаться здесь с нами и уйдет, как это сделали наши мамы и как, говорит папа, и ему скоро придется сделать.

Она достает из кармана кофты конфеты и протягивает мне одну.

Хитро улыбается, поднося палец к губам.

– Не говори своим братьям.

Я тоже улыбаюсь и, тихо разворачивая карамельку, отправляю ее в рот.

Улыбка медленно исчезает с лица мисс Мейбл, когда она поворачивается и смотрит на большие деревья вокруг нашего дома.

Мы спрашивали папу, нельзя ли их срубить: вдруг за ними живут другие дети, которые, может быть, захотят с нами поиграть, но он сказал, что нет, деревья тут для нашей защиты. Подобно высоким стенам королевского замка, они защищают нас от других.

Сюда никто никогда не приходит.

Тут всегда были только мы, наш папа, мисс Мейбл и парень, который любит возить нас повсюду.

Может быть, послезавтра, в наш первый день в настоящей школе, все будет по-другому. Мы сможем подружиться с другими ребятами и позвать их в гости. Мы сможем поплавать или научить их играть в баскетбол.

Когда мисс Мейбл вздыхает, я поднимаю на нее глаза.

– Мой мальчик, – тихо говорит она, – ты когда-нибудь слышал сказку о волках?

Я качаю головой, она поворачивается ко мне. И слегка улыбается:

– Хочешь, расскажу?

– Да.

Она смотрит на меня несколько секунд, и я уже думаю, не испачкал ли я лицо конфетой, но тут она начинает говорить:

– Волки быстрые и сильные, они охотятся и едят животных размером в три раза больше себя. Они хищники. – Ее глаза скользят между моими. – А все остальные, большие или маленькие, в их мире – их добыча.

– Правда? – спрашиваю я, разворачиваясь к ней всем телом. – Вы знали, что мы хотим стать волками, мисс Мейбл? Когда мы пойдем в школу, среднюю школу Брейшо, мы будем волками!

– Ты будешь, – тихо говорит она, наклоняя свою голову к моей.

– Подождите, мисс Мейбл, если волки – хищники и они быстрее и сильнее других животных, которые крупнее, это значит, люди их боятся? – спрашиваю я. – Они будут бояться

нас, когда мы станем волками?

– Да, мой мальчик. – Она кивает. – Будут, но *не все*.

– Даже если мы будем самыми сильными?

– Да.

– Почему?

– Потому что волки не действуют в одиночку. У них есть помощник, он их ведет, помогает им добраться до добычи.

– Правда?!

Она снова улыбается, но тут же подносит палец к губам, и я зажимаю рот рукой.

– Да.

– Кто?! – кричу я шепотом.

– Птица.

Я запрокидываю голову и морщу нос.

– Птица? – Я смеюсь.

Но Мейбл не смеется. Она кивает:

– Красивая черная птица.

– Черная птица... – Я думаю вслух, щелкая пальцем, когда до меня доходит. Я снова смотрю на Мейбл.

– Ворон.

– Да, – шепчет она. – Ворон.

– Но... почему ворон не боится волка?

– Волк, может быть, и сильнее ворона, но они нужны друг другу. Ворон призывает волков. Куда бы он ни полетел, волки последуют за ним. К тому, к чему он не может прикоснуться, могут прикоснуться волки. Там, где он слишком

слаб, волки сильны.

– То есть... они команда?

– Именно. – Мейбл смотрит в небо. – Вороны особенные.

– Чем?

– Некоторые говорят, что они богоподобные существа.

– Это странно.

Она смеется, похлопывая меня рукой:

– Может быть, дитя, но однажды ты поймешь. – Затем она поворачивается ко мне. – Единственное, что нужно помнить о воронах, – они образуют одну пару на всю жизнь.

– Пару? – Мое лицо морщится. – Как муж и жена?

– Да. – Мисс Мейбл кивает. – Вот так просто. Они делают выбор – и все, это на всю оставшуюся жизнь. Затем эти двое ищут территорию, на которой останутся и которую будут защищать, отбиваясь от всех, кого посчитают угрозой своему дому.

– Точно так же, как папа говорит, что мы будем защищать свое, когда вырастем?

Мисс Мейбл грустно улыбается.

– Да, мальчик мой, именно так.

– Мне хочется рассказать это поскорее братьям! Им понравится история.

– Уверена, им понравится. – Она похлопывает меня по колену, поворачиваясь, чтобы снова посмотреть на меня. – Но это не история. Это судьба, просто подожди – и увидишь.

Глава 1

Мэддок

Глаза отца темнеют.

Все эти годы мы следовали каждому его указанию, с достоинством встречали вызовы судьбы, зная, что он нас поддерживает, и боролись за все, во что он учил нас верить.

Семья – это те, кого мы выбрали.

На верность может рассчитывать только тот, кто верен сам.

Доверяй только тем, кто это заслужил.

Его слова врезались в нашу память еще до того, как мы поняли их значение, и с тех пор мы живем и дышим ими, черт возьми.

Нам был выдан только один пропуск в жизнь, и мы этого не осознавали.

К нему.

Инстинктивно, полностью. Каждым гребаным сантиметром мы верим в человека, стоящего перед нами.

Он плохо поступил с нами?

Словно почувствовав мои мысли, отец напрягается, и это отражается во взгляде.

Клянусь, мы пилились друг на друга целых пять минут, и только потом он моргнул.

И наконец он произносит:

– Нет? – Он повторяет мое последнее слово. Медленно. Осторожно.

Хорошо, теперь он понимает.

Я не утруждаю себя ответом. Он сказал, что Рэйвен – это залог, и, конечно, это правда.

Но она – *мой* залог.

Мое все.

Превыше всего. Превыше всего на свете.

Рэйвен Карвер, или, мать вашу, Рэйвен Брейшо, всегда будет на *моей* стороне. Точка.

– Боюсь, это не обсуждается. – Он внимательно смотрит на нас.

– *Боюсь*, ты ошибаешься. – Ройс выходит вперед.

Взгляд отца скользит к нему, но сразу же возвращается ко мне.

– Ты пойдешь против меня ради девушки? – Он надевает маску гнева, но мы его сыновья, поэтому видим правду. В его глазах отчаяние и неуверенность.

Он ни хрена не понимает. Ничего. И как бы он мог? Его здесь не было.

– Не знаю, чего ты ожидал. – Я медленно пожимаю плечами, качая головой. – Чувствуем, что ты знаешь, кто мы, ты говоришь, что знаешь, но если бы это было правдой, то

этого разговора не было бы. — Я тяжело смотрю на него. — Возможно, ты не знал, кем она стала для нас. Я понимаю, никто из твоих шпионов не смог бы объяснить это так, чтобы ты понял, это следующий, мать его, уровень, тебе нужно увидеть это самому, чтобы понять. Но ты же был рядом и *все видел*, папа. Я знаю, что ты видел.

Ты изучал, ты анализировал каждое наше движение в ее направлении. Ты заметил, как Кэптен приближается к ней, когда чувствует, что ей нужен. Ты видишь, как Ройс цепляется за нее, как его гнев и потребность в реальной связи движут им, когда она близко, и это помогает ему открыть то, что никто бы из нас не увидел. Обо мне даже не нужно говорить. Ты такой же, как и я, ты узнаешь собственника за мили.

Все это дерьмо за последние несколько месяцев, то, как мы росли как единое целое. Стали сильнее, смелее, чертовски храбрее. Она сделала это. *Она* пришла и напомнила нам, не говоря ни слова, зачем мы хотим этот мир. Почему этот город и образ жизни так важны для нас. Мы хотим того, для чего мы родились, отец, для чего ты нас воспитывал, той жизни, которую ты заработал и обещал нам, и она у нас будет.

— Мы же тебе говорили. — Кэп делает шаг вперед. — Она не просто какая-то девушка, никогда такой не была, и теперь мы знаем, что ей не суждено было таковой быть. — Он поддерживает мой ответ на первоначальный вопрос нашего отца: Рэйвен на первом месте, мы выступим против отца ради

нее.

— Есть способ обойти это, — говорю я то, в чем уверен на сто, черт возьми, процентов. — И держу пари, что этот путь будет намного спокойнее, чем тот, по которому мы идем. — Мгновение я смотрю на своих братьев, а потом снова поворачиваюсь к отцу. — Расскажи нам, что знаешь. Если ты этого не сделаешь, мы сами во всем разберемся, даже если для этого придется перешагнуть через тебя.

— И вы думаете, что готовы это услышать, хм? — спрашивает он, и Ройс бросает на меня быстрый взгляд. — Что, если окажется слишком сложно для вас?

— Мы справимся с чем угодно, — отвечаю я.

Он кивает, его глаза опускаются, потом медленно поднимаются к нам.

— Есть один способ. — Он говорит медленно, в его голосе слышится нотка негодования. Он мрачнеет. — Но я уверен: то, что я расскажу, вам не поможет бороться. Вы пожалеете, что узнали об этом. Из-за этого вы будете плохо спать, я клянусь.

Уверенность в его голосе заставляет нас троих замереть, наши глаза на секунду встречаются, и решимость крепнет.

Мы готовы.

— Рэйвен остается с нами, — заявляет Ройс. — А теперь скажи нам, что нам нужно сделать, чтобы мы могли быть в этом уверены.

Отец выпрямляется во весь рост и неторопливо обходит

стол. Опускается на кожаное сиденье, небрежно откидывается на спинку.

В его глазах застыл жесткий блеск, но он поднимает руки ладонями вверх, как бы говоря: *все просто*. И говорит:

– Отдать им взамен Зоуи.

Глава 2

Рэйвен

Из меня вырывается стон, я переворачиваюсь и медленно открываю глаза.

Солнце наконец село, я моргаю, чтобы сфокусироваться.

Хлопая по кровати рядом с собой, я обнаруживаю, что Виктория ушла, а Мэддока еще нет.

В ту секунду, когда я приподнимаюсь на локтях, у меня начинает стучать в голове, в животе урчит, и к горлу подкапывает тошнота.

Алкоголь и то, чем тебя накачала тупая сука, совсем не сочетаются.

Я облизываю пересохшие губы, съезживаясь от неприятного привкуса во рту.

– Ух, черт.

Отбрасываю одеяла – я вспотела как лошадь. Слава богу, Мэддока здесь нет, я просто отвратительна.

Липкая и мерзкая, и, наверное, у меня в волосах блевотина.

С одеждой в руках я тащусь в ванную в коридоре, запираю за собой дверь на случай, если папочка Брей все еще дома и

по какой-то причине пойдет этой дорогой.

Почему он был в комнате Мэддока?

Я вздыхаю, когда горячая вода струится по телу, но мне все еще нехорошо, поэтому быстро мою волосы, наношу на них кондиционер и затыкаю слив.

Я никогда раньше не принимала ванну, но прямо сейчас хочу это сделать.

Вода в ногах слишком горячая, поэтому я делаю ее похолоднее, беру шампунь и выдавливаю немного в льющуюся воду, как в ведро для автомойки. Мгновенно начинают образовываться пузырьки.

Я расслабляюсь, пока смотрю, как наполняется ванна, и наконец опускаюсь в теплую воду.

Я протягиваю руку, беру полотенце с вешалки и, свернув, кладу его под голову, как подушку.

Через несколько минут ванна наполняется, я выключаю воду и закрываю глаза.

Вау. То, что нужно.

Мои мышцы мгновенно расслабляются, тошнота наконец уходит.

Это простое удовольствие, которое люди из моего района никогда не испытают. Не то чтобы эта ванна была самой обычной, но все же.

Ванны, как правило, не найти в низкосортных трейлерах. Нам повезло, что у нас хотя бы была водопроводная вода, не говоря уже о работающем водонагревателе.

В нескольких кварталах от трейлерного парка, в месте пересечения железнодорожных путей с шоссе, есть небольшая стоянка для грузовиков с душевыми кабинами.

Город поддерживает там подачу воды в раковины, туалеты и прочее, так что холодный душ бесплатный, но за горячую воду нужно доплачивать. Многие люди из парка ходят туда, чтобы привести себя в порядок и запастись питьевой водой. Вернуться со всем обратно – та еще задача, но у большинства есть тележки из супермаркета или разбитые коляски, припрятанные на заднем дворе. Конечно, банки или случайное дерьмо, найденное по пути, которое потенциально может принести деньги, были приоритетнее, чем вода.

Я улыбаюсь про себя при мысли о том, что Джо выберется оттуда.

Он был добр ко мне, болтался в сломанных железнодорожных вагонах, пока не уходили особо шумные клиенты моей матери. Но я бы никогда не пригласила его войти.

Возможно, он был старше меня всего на несколько лет, но это не помешало ей попытаться соблазнить его.

Однажды я сказала ей, что он гей, но она не сдавалась, продолжала убеждать меня в том, что мне пора повзрослеть – она хотела, чтобы я трахнула своего друга в одиннадцать лет, – она сказала, что его сексуальные предпочтения не имеют значения, что он просто возбужденный мальчик, которому понравится ощущение члена внутри свежей вагины. Больная сука.

Стоп...

Я пытаюсь избавиться от этой мысли, но не получается, и она проползает все глубже.

С того самого дня, как в пятом классе у меня начались месячные, моя мать давила, давила и давила на меня, называя ханжой.

Она велела мне покончить с этим уже, говоря о моей девственности, сказала, что забота о ее сохранности только вызывает у меня проблемы в будущем.

Она не видела, что я ни за что не цеплялась – я была просто ребенком, который не хотел участвовать в том, за что я ее ненавидела.

Я знала, что она делает, видела, как люди трахаются в фильмах и даже на столах для пикника или на задних сиденьях машин на нашей стоянке.

Взрослые мужчины выходили из ее комнаты голыми, не удостоивая меня взглядом – если мне повезет, – когда шли за пивом или чем-то еще из мини-холодильника, так что я видела член раньше, и вагину тоже, если на то пошло.

Мне это было противно.

Те звуки, которые они издавали, запахи. То, как они вели себя, как будто моя мать была гребаной королевой, в то время как их жены или мужья сидели дома, вероятно, задаваясь вопросом, где, черт возьми, их партнеры. Предательство и пренебрежение ко всему и вся вокруг.

Так что нет, секс не был тем, чего я хотела.

Долгое время я рассматривала секс как инструмент манипуляции, и у меня не было причин им воспользоваться. Только когда я отчаялась стереть из своей головы то, чем, я считала, был секс – грязь и стыд, боль, – я заинтересовалась.

Безумие во всем этом дерьме – то, что меня несколько не удивляет, что мама хотела бы обменять меня на деньги. Много раз мне казалось, что она так и сделает, и, думаю, если бы ее не оскорбляло, когда мужчины отпускали обо мне пошлые шуточки, она, вероятно, так бы и поступила.

Или, может быть, нет, так как технически я уже принадлежала другому: была куплена богатым мужчиной, который выдавал себя за простого; он приносил мне мороженое и фильмы, чтобы я была занята, пока он проводил час в комнате моей матери, якобы разговаривая с ней обо мне. Человек, которого я считала хорошим, насколько это вообще было возможно в моем мире, который подарил мне нож для защиты, а потом ушел – только для того, чтобы одиннадцать лет спустя вернуться в мою жизнь как отец моего парня.

Насколько еще более извращенным может быть это дерьмо?

Со вздохом я сажусь и тянусь за гелем для душа, но когда его открываю, рецепторов достигает аромат кокоса и чего-то еще, столь же отвратительного.

Я быстро опускаюсь на колени, открываю створку душа и наклоняюсь над унитазом.

Мой желудок почти пуст, так что наружу выходят только

жидкость и воздух. Холод пробегает по телу, на макушке выступают капельки пота.

Черт!

Я ненавижу это. Дерьмо, которое Донли заставил Виенну мне вколоть, берет свое на следующий день – одна из тех причин, по которым обычно я не прикасаюсь ни к чему более тяжелому, чем травка.

Я вытираю рот, погружаюсь под воду и провожу руками по волосам, омывая тело пузырьками пены, – слава богу, шампунь и кондиционер без запаха.

Я вылезаю из ванны и одеваюсь так быстро, как только могу, чтобы меня снова не стошнило, затем опускаюсь на унитаз, чтобы расчесать мокрые волосы.

Я чувствую себя так, будто меня переехал грузовик. Тем не менее сегодня меня ждут разговоры.

Мэддок

Клянусь богом, можно услышать, как бешеный пульс наших тел эхом доносится до высокого потолка и отскакивает назад, обволакивая глотки и перекрывая дыхательные пути.

Отдать им взамен Зоуи.

Что. За. Дерьмо.

У меня болит грудь, и я даже, мать вашу, не могу заставить себя посмотреть на своего брата, но смотрю, а он будто споткнулся, наклонился назад и всем телом упал на кожаный

пуфик.

Его руки скользят по светлым волосам, потом опускаются на лицо. Кожа на кулаках туго натянута, руки все еще закрывают половину лица, когда его измученные глаза встречаются с моими.

Мои легкие сжаты, в них не осталось ни капли кислорода, чтобы напитать тело.

Кэп тоже не дышит, его лицо начинает краснеть, и Ройс ругается, быстро опускаясь перед ним.

Он пожимает плечами, но Кэп не сводит с меня пристального взгляда.

– Дыши, брат, – говорит ему Ройс, поворачивая голову в мою сторону, с беспокойством в глазах, когда Кэп отказывается.

Сомневаюсь, что сейчас он слышит Ройса, возможно, он даже не видит меня, хотя смотрит в упор.

– Кэп, – хриплю я, не уверенный, говорю ли достаточно громко, чтобы он услышал, но внезапно его ладони опускаются, руки падают по бокам, а подбородок упирается в грудь.

Он знает.

Он *знает*, что никогда и ни за что мы бы не отвернулись от нашей племянницы, дочери моего брата.

Ради кого угодно?

У меня щиплет в груди. Я уверен, что нож, проткнувший ее насквозь, причинил бы меньше боли, чем осознание сути происходящего.

Моя малышка... или его.

Я перевожу взгляд обратно на отца, который теперь сидит на стуле наклонившись вперед, с напряженными глазами, в которых видна боль.

– Мне очень жаль, сынок. Я надеялся, что вы все еще просто мои мальчики, которые поверят мне на слово и позволят сделать первый шаг, а затем разрешат быть рядом, когда нужно будет разобраться с последствиями. Я не хотел, чтобы это коснулось вас. Все не так, как должно было быть.

– Но это то, что ты *планировал*, когда привел ее сюда.

Он колеблется, но только на секунду, а потом коротко кивает.

– Так почему бы не отвести ее прямо к ним? – спрашиваю я.

Если бы он это сделал, мы бы не успели ее хорошо узнать, нам было бы все равно, кто она и что стоит за всем этим дерьмом. Это не имело бы значения, Зоуи не подвергалась бы риску. Мы бы не стояли здесь, разрываясь изнутри, столкнувшись с необходимостью принятия решений, которые мы никогда не смогли бы принять.

Кислота скатывается с моего языка, когда я говорю:

– Лучше бы ты не оставлял ее здесь.

– Мэддок! – огрызается Ройс. – Какого хрена, чувак?

Я игнорирую его:

– В чем же причина? Почему она не оказалась с Грейвеном в ту же секунду, когда ты узнал о ее существовании?

– Я ждал, надеясь, что Коллинз найдет кого-нибудь другого, и мы будем чисты, пока не придет следующее поколение, тогда бы мы побеспокоились об этом и привели ее домой, не сказав, кто она, присматривали бы за ней, предложили место здесь, но потом... – Он замолкает, глядя в сторону Кэптена.

Я слежу за его взглядом и вижу, что Кэп смотрит прямо на него.

– Но потом родилась Зоуи, – хрипит Кэп. – Первая женщина Брейшо за последние десятилетия, по крайней мере, так они бы подумали.

– Да, сынок, – шепчет наш отец. – Все изменилось в тот момент.

– Скажи нам чертову правду, – говорит Кэп, но его слова не соответствуют тону в его голосе. – Это ты сделал? Ты приложил руку к тому, что Мэллори отдала ее, спрятав от меня? Это из-за тебя я чуть не потерял свою дочь?

Я поворачиваю голову к отцу.

– Нет, сынок. – Он медленно качает головой. – Я ничего не знал о ней, пока вы не наняли этих парней, чтобы за ней присматривать. Как только я узнал, то привел Марию. Я позаботился о том, чтобы она единственная опекала Зоуи. Только ей я мог доверить свою внучку, если это не мы или Мейбл.

Кэп вскакивает на ноги.

– Мария Вега, ты ее знаешь? С ней все хорошо? Она... она в безопасности?

– Вы ее проверяли, вы за ней наблюдали. Вы знаете это, Кэптен, – говорит он ему.

Кэп хлопает ладонью по столу, глядя ему прямо в лицо.

– Я знаю то, что мне говорят. Я не знаю правды. Мы понимаем лучше, чем кто-либо другой, что за закрытыми дверями может произойти все, что угодно.

– Если бы ты действительно верил в это, сынок, ты бы никогда не посадил ее обратно в машину.

– Скажи это, – требует Кэптен.

Он смягчается.

– Она в безопасности, ее любят, и этой женщине будет очень не хватать ее, когда мы вернем Зоуи домой.

– И когда это случится? – Кэп напирает.

Отец вздрагивает, его глаза на мгновение встречаются с моими, и я опускаю подбородок на грудь, а потом встречаюсь взглядом с Кэпом.

Вот почему декоратор подумала, что она подготовит комнату напротив Кэптена для Зоуи – Рэйвен здесь не будет.

– Безумец, – шепчет Ройс, и глаза Кэпа напрягаются.

– Нет... – шепчет он, качая головой, в глазах читается отчаяние.

Он любит ее так же, как и я. Они оба.

Я слегка киваю, живот напряжен.

– Она сможет вернуться домой, когда Рэйвен будет доставлена.

Несколько минут никто не произносит ни слова, но это

самая громкая тишина, которую мы когда-либо слышали.

Отец первый нарушает ее.

– Теперь вы понимаете, почему она должна уйти? Почему я должен был привести ее сюда сейчас? Почему я больше не мог защищать ее, держа подальше отсюда? – спрашивает отец.

Ройс усмехается.

– Брось, не начинай опять про то, что ты ее защищаешь. Если бы ты действительно о ней заботился, ты бы послал туда кого-нибудь ее охранять.

– Ты думаешь, я не пытался? – Он прищуривается. – Я посылал многих людей, но Рэйвен *никому* не доверяла, независимо от того, какую роль я пытался им отвести в ее жизни.

– Потому что она чертовски умна, – бросает он в ответ. – И все-таки мог быть кто-то, кто следил бы, чтобы ее, блядь, хотя бы накормили...

– У нее был этот парень, Джо, – перебивает Кэп. – Держу пари, он не случайно оказался с Риверами. Почему бы не отправить его туда, чтобы он втянул ее еще больше?

– Я думал об этом, хотя и не уверен, что это вообще сработало бы.

– Почему? – спрашиваю я.

– Во-первых, он был ее другом, да, но она и с ним была сдержанна. И, во-вторых, такие дети не выступают друг против друга, когда об этом посторонние просят, даже за деньги. Они возьмут их, а затем покажут свою преданность друг

другу, – говорит он. – Я не мог позволить ни одному из них проявлять любопытство. Что касается того, где он сейчас, то нет, он этого не делал. Я привел Трика Риверу, отца Окли, к Джио после того, как его увидел и решил, что он чист. – Отец смотрит поверх нас. – Единственный человек, который, как мы видели, проникся к Рэйвен симпатией, кроме него, был ее последний директор. Он бы присмотрел за ней, но оставлять ее там больше не было возможности. Коллинз узнал о ее существовании и был полон решимости найти ее. Нам осталось только привести ее сюда, оставить с другими девочками и надеяться, что он не догадается, кто она на самом деле.

Мы с братьями обмениваемся хитрыми взглядами. Мы, черт возьми, не дураки – он что-то скрывает.

Он должен был привести ее сюда, прекрасно. Он должен был защитить Зоуи, хорошо.

А на самом деле почему было не отвезти ее прямо к Грейвенам?

– Я здесь не злодей, ребята. Я просто защищал свою семью. Она не должна была быть расходным материалом. Я берег ее для одного из вас, я планировал вернуть власть, которую обеспечил бы кто-то из нашей родословной, но мне пришлось принять опрометчивое решение, и я выбрал свою внучку. – Он невозмутимо пожимает плечами. – Если бы я объяснил вам это в самом начале, у нас не было бы этого разговора. Она бы никогда не переступила порог этого дома и уже была бы с Коллинзом. Вы бы тут же согласились.

– Вот что имел в виду Коллинз, когда твердил ей, что ей не место рядом с нами. Он знал, что она должна принадлежать ему, – рычу я.

– Ты отправил ее в дом Брей, чтобы попытаться отвлечь их. – Кэптен хмурится. – Как они выяснили, что новой девушкой была Рэйвен?

– Помимо поразительного сходства? – спрашивает отец, его тон спокойнее, мягче, чем обычно.

– Люди годами искали Равину, свою сбежавшую принцессу. Многие считали, что она была убита, другие думали, что ее заперли где-то в темнице...

– Кто-то видел ее, – предполагает Кэп.

Я смотрю на него, потом снова на отца.

– Она сказала Рэйвен, что не сможет долго оставаться в этом городе. Она знала, что люди ее заметят.

Он кивает.

– Она появилась здесь впервые за восемнадцать лет.

– Давайте остынем немного, черт возьми, – огрызается Ройс, но его плечи опускаются. – Рэйвен... что нам делать? Я имею в виду, мы не можем... – Он замолкает, облизывает губы и отводит взгляд.

– Мы не можем сказать ей, – твердо говорит Кэптен, его глаза встречаются с моими.

– Кэп. – Я свирепо смотрю. – Не надо.

– Я серьезно. – Он встает передо мной, умоляющий взгляд и все такое, мать его. – Мэддок, мы не можем.

– Кэп, мы не можем скрывать это дерьмо от нее, чувак. – Ройс подходит ближе, но в его тоне звучит несогласие, и следующие слова доказывают это. – Я имею в виду, можем ли мы?

– Грейвен уже сделал шаг в ее направлении, – говорю я им и рассказываю о том, что они пропустили, когда Кэп пошел за Перкинсом. – Донли накачал ее наркотиками, он заставил девушку из общаги сделать это. У него там был доктор, он снял с Рэйвен штаны, засунул в нее это дерьмо и проверил. Они могли бы сделать и хуже. Она должна знать.

У Кэптена тикает вена на виске.

– Если ты скажешь ей, она убежит так быстро, что мы не сможем ее догнать.

Моя голова откидывается назад, челюсть на мгновение сжимается.

– Она не убежит от меня, – рычу я.

Он медленно, насмешливо кивает, его глаза расширяются.

– Я знаю, брат, поверь мне, я, черт, *знаю*, что она сделает. Как и ты. Не отрицай.

– Вот дерьмо! – кричит Ройс и начинает расхаживать по комнате, привлекая внимание. Руки сложены над головой, раздраженные глаза врезаются в мои. – Она чертовски преданна нам, брат, – шепчет Ройс, и это поражает меня. – Слишком преданна, чтобы сидеть сложа руки и ничего не делать.

Мое лицо бледнеет, я впиваюсь взглядом в отца.

Он печально улыбается.

– Она выросла не здесь, но все же она воплощает наши идеалы. Она Брейшо по крови, по сердцу и по воле. Она делает все возможное, чтобы спасти одного из нас.

Мышцы у меня на лице сжимаются до боли, резкий стук в голове заполняет сознание и притупляет зрение.

Я сглатываю, оседая на стол отца, первый раз в жизни оказываюсь настолько пораженный.

– Ничто из того, что мы скажем, не будет иметь значения, никакое действие ничего не изменит. Она пойдет к ним добровольно.

Ройс поворачивается к отцу.

– Нам нужно время. Ты можешь это устроить?

Сожаление омрачает его лицо, взгляд быстро перемещается от Кэпа к Ройсу.

– Ты ничего не сможешь сделать, сынок.

– Просто, черт, попробуй все задержать! – кричит он, его движения становятся все яростнее. – Ты можешь сделать это для нас или нет?!

– Это отложит возвращение Зоуи домой, – говорит он.

Мы смотрим на Кэптена, который быстро кивает.

– Задержит, но не помешает ему, – хрипит Кэп, отводя взгляд. – Мы должны попытаться. Мы в долгу перед Рэйвен.

Я ловлю на себе взгляд Кэпа, но скрываю свои эмоции, а его взгляд меняется: в них появляются уверенность и надежда – и еще они умоляют меня понять что-то, что он не

хочет говорить.

Что тебе известно, брат?

Отец кивает:

– Я отменю встречу с другими семьями, которую назначил, но мы не можем избегать Донли вечно. Он хочет получить то, что причитается его семье, и я не могу обещать, что они останутся в стороне. Коллинз знает, что она должна принадлежать ему, и он, скорее всего, не будет молчать.

– Итак, все решено. – Кэптен настойчиво смотрит на нас, потом на отца.

– Рэйвен не должна знать, что она обещана Коллинзу.

– Ух ты.

Наши головы разом поворачиваются, и мы видим ее в дверях, скрестившую руки на груди и пристально смотрящую на меня.

Вот черт.

Глава 3

Рэйвен

Обещана Коллинзу.

Какого черта?

Типа брак по договоренности?

На дворе что, гребаный каменный век?

Непривычное молчание парней вызывает у меня беспокойство, но я не позволяю Ролланду увидеть это: я делаю шаг вперед, оглядывая кабинет, в который никогда не заходила.

Тут есть все, чего можно ожидать от личного пространства богатого человека, исходя из стереотипов из фильмов и журналов.

Бурбон в углу, книги от пола до потолка, которые, вероятно, ни разу не были прочитаны, но кто-то тратит время на то, чтобы смахивать с них пыль, так что кажется, что они тут не просто для украшения. Везде вишневое дерево и кожа, глобус в золотой оправе на краю стола и коробка сигар на другом.

Я могла бы сейчас закатить глаза, это так неоригинально. Красиво и дорого, но неоригинально.

Я падаю на пуфик, скрещиваю ноги и поднимаю руки, как

бы говоря: *изложите мне все*, но никто не произносит ни слова. Они стоят как вкопанные.

– Итак, мы вернулись к секретам, не так ли? – спрашиваю я, выгибая бровь.

Ролланд садится.

– Это дела Брейшо...

Я начинаю смеяться, обрывая его, и глаза Ролланда сужаются. Делаю то же самое.

– В таком случае почему бы тебе не объяснить это мне очень медленно, Ролланд, чтобы я могла все усвоить.

– Только потому, что ты...

– Прекрати, – рывкает Ройс. Он делает шаг к нему. – Ты не можешь оскорблять ее, чтобы сейчас сохранить лицо. Ты облажался. Признай это. Она не виновата в том, кто ее мать.

Складка на лбу Ролланда становится глубже, и он наклоняется вперед, поэтому я делаю то же самое.

– Рэйвен, – начинает он. – Ты пришла, чтобы узнать о той части своей жизни, о которой ты не имела понятия, но ты еще не знаешь всего. Прямо сейчас мы требуем, чтобы ты сделала то, о чем тебя просят, пока мы решаем некоторые вещи.

– Например, заставить меня согласиться удрать с корабля?

Его голова слегка наклоняется в сторону, вена на шее, очень похожая на вену на шее Мэддока, пульсирует на загорелой коже, когда он пытается понять, о чем я думаю.

– Ты хочешь казаться авторитетным, но я не из тех, кто

слушает, так что ты только меня раздражаешь. Не то чтобы тебя это волновало, но я думаю, что ты лживый кусок дерьма, Ролланд. Возможно, ты не видишь меня насквозь, но я вижу насквозь тебя, и очевидно, что ты говоришь только половину правды, а не всю. — Я уловила только конец разговора, но по выражению их лиц могу сказать, что все очень серьезно. — Тем не менее уверена, что есть еще что-то и ты не выдашь это до тех пор, пока тебе не придется это сделать, когда будет выгодно *тебе*. — Я вскакиваю на ноги и пристально смотрю на него сверху вниз. — Так поступают дерьмовые лидеры, позволяя своим *людям* оказаться застигнутыми врасплох. Снова.

Их взгляды устремлены на меня, но я игнорирую парней, которые ничего мне не рассказали.

Впрочем, это нормально. Я не сержусь на них за это, я верю, что у их молчания есть причина. И это не значит, что я сама не разберусь, даже если для этого мне придется быть подлой сукой.

— И ты думаешь, что ты достаточно сильна, чтобы полностью раскрывать информацию? — Ролланд бросает мне вызов.

— Ты думаешь, они слишком слабы, чтобы справиться с этим? — тут же отвечаю я. — Или, может быть, твой страх — от неизвестности. Может быть, то, что ты знаешь, встряхнет твой мир больше, чем ты готов допустить.

— Не думай, что знаешь обо мне все.

– Не думай, что я позволю тебе что-то решать за меня, – выплевываю я в ответ. – Коллинз Грейвен может идти на хрен, но ты, придурок, осторожней, или пойдешь туда же.

С этими словами я поворачиваюсь и выхожу.

И будь я проклята, если они мне не позволят это сделать.

Мэддок

Черт!

Ройс бросается к двери, но Кэптен встает перед ним и останавливает его.

Ройс резко поворачивается ко мне, разводя руками:

– Ты действительно не собираешься идти за ней? Что, если она уйдет прямо сейчас, черт возьми?

– Она не все слышала.

Он невесело усмехается.

– Нет, не все, кроме того факта, что она – будущая миссис, блядь, Грейвен! О, и мы, прикинь, кое-что от нее скрываем!

– Это единственный способ.

– Я, черт возьми, знаю, чувак! Но это не значит, что она не бросит нас из-за этого! Мы сказали: больше никаких секретов, никаких сольных движений. Это дерьмо? Это то, что заставляет ее оставаться Рэйвен.

Паника в его глазах вызывает спазм у меня в груди. Ее уход не только уничтожит меня, он коснется нас всех.

Я подхожу к нему и удерживаю его взгляд своим, руками

крепко сжимаю его плечи.

– Ройс. Она *не бросит* нас снова, не сейчас, *без веской* причины и фактов. В последний раз она тоже чуть не потеряла нас. Она не будет рисковать снова, не будучи абсолютно уверенной.

– Она даже не рассердится на нас, – ошеломленно шепчет Кэп. – Она не такая.

Его взгляд перемещается на отца, и я тоже смотрю на него.

Стыд заливает его лицо, черты напрягаются, когда он тарашится на Ройса, понимая, какое страдание это ему причиняет. Затем он смотрит на Кэпа и выдерживает его взгляд, и могу поклясться, что в следующую секунду его глаза наполняются сожалением.

Что это было?

Наконец его взгляд возвращается ко мне.

– Я не заключал никакого контракта, – тихо говорит он. – Я заключал сделки только юнцом, доказывая свою состоятельность. Все это устроил дед Рэйвен. У него был только один сын, который женился на наркоманке-золотоискательнице, и у них родилась Равина. Они оба умерли от наркотиков, и Равина осталась на его попечении.

Он позвонил Донли, положил Равину перед ним и предложил своему боссу взять ее. Донли хотел этого только в том случае, если она будет влюблена, он хотел дружественного брака – *настоящего* брака, а не напоказ – между семьями, поэтому он добавил пункт, что Равина, сама по себе и без

принуждения, будет согласна. Это был его способ удостовериться, что это не будет шагом против его людей.

– Его мальчики и наши дети, включая Равину, начали ходить на одни и те же вечеринки и мероприятия. Им разрешилось посещать школьные мероприятия Брей. Все начали заводить друзей со всеми, и в городе все было хорошо. Мир между нами.

Это объясняет фотографию в ежегоднике.

Но подождите минутку...

– Предложил своему боссу, – повторяю я, делая шаг вперед. – Ты хочешь сказать, что Феликс Грейвен не был сыном Донли, что Коллинз не Грейвен по крови?

Отец кивает.

– Феликс Грейвен вовсе не был Грейвеном, он был посредником между семьями.

– Посторонним.

– Он выбрал их? – спрашивает Ройс.

– В конце концов да, но я верю, что просто потому, что она влюбилась в него. Ему в тот момент нужно было просто принять это предложение. Как я уже сказал, он был кочевником, оставался вне обычаев обеих семей, но процветал в нашем городе. С Грейвеном он был бы главным. Его решение было мгновенным.

– Почему нам не сказали об этом дерьме? – сердито кричит Ройс.

– В конце концов, это не имеет значения. Он был Грейвен,

его сын Грейвен, точно так же как вы трое – Брейшо. Мы живем с этим именем, имя – то, кто мы есть.

– Что случилось с Равиной и ее браком, разве она этого не хотела? – Кэп возвращает нас в нужное русло.

– О, Равина хотела этого брака, – усмехается отец. – Она хотела, чтобы ей прислуживали, осыпали ее подарками и возносили ее за красоту. Она не получала этого дома, у нее был неограниченный доход, но она была невидима для своего дедушки, и нашей любви к ней, моей и обоих ваших отцов, – он кивает в сторону моих братьев, – ей было недостаточно. Она не верила в наши чувства, думала, что нам безразлична, потому что мы были вынуждены так думать, мы были людьми Брейшо, но это было далеко от истины. Но она этого не понимала.

Феликс Грейвен, однако, отчаянно хотел заполучить ее, и он давал ей знать об этом на каждом шагу. Он был на несколько лет старше, поэтому использовал это, чтобы завоевать ее расположение. Я сказал, что он без колебаний принял предложение, как только завоевал ее сердце, и он так и поступил, даже бросил свою *беременную* невесту, чтобы быть с ней, не раздумывая.

– Мать Коллинза?

– Да. Он, не колеблясь, принял решение, был готов бросить своего нерожденного сына, если это означало, что он женится на Равине.

– Он был одержим ею. – Ройс хмурится.

– Он был влюблен в нее. – Глаза отца затуманиваются воспоминаниями. – Она была такой же очаровательной, как сейчас ее дочь. Люди падали к ее ногам лишь от ее улыбки. Но дело было не только в ее красоте. Она была доброй, всепрощающей. *Хорошей*. Не тронутой жадностью. – Он бросает на меня быстрый взгляд. – Не тронутой мужчиной.

Девственница Брейшо.

Он продолжает:

– Когда-то у Равины была невинная душа, в этом смысле она сильно отличалась от своей дочери. Рэйвен родилась искушенной, но Равина, она такой стала.

– Ты должен знать, что Рэйвен не девственница.

Он кивает.

– Коллинз хочет ее, несмотря ни на что.

– Это его решение? Это не то, что им было обещано.

– Дело в том, что Донли, похоже, на этот раз не вмешивается.

– Так что случилось? – раздраженно спрашивает Ройс, возвращаясь к истории. – Равина передумала в последнюю минуту?

С глубоким вздохом он говорит:

– Свадьба была запланирована на ее восемнадцатый день рождения. За время, предшествовавшее этому, Равина много времени проводила с семьей Грейвенов, чувствовала, что сильно любит Феликса, но, как я уже упоминал, он был немного старше, так что их графики не совпадали. У него

был бизнес Грейвенов, у нее – школа. Феликсу так не хотелось оставлять ее одну, что он попросил кого-нибудь составить ей компанию. В его жизни был только один человек, которому он доверял свою нетронутую невесту, студент, как и она. – Его глаза бегают между нашими. – Ученик средней школы Брейшо.

– Кто?

Он встает, засовывая руки в карманы, когда встречается с нами взглядом.

– Его брат.

Рэйвен

Я нажимаю маленькую кнопку на ключах Кэпа, чтобы открыть его внедорожник, и, тихо выскальзывая через парадную дверь, направляюсь к нему. Роюсь на заднем сиденье, но не нахожу чертову визитку Перкинса, которую взяла из лимузина, только второй пустой конверт, идентичный тому, который был оставлен для меня.

Вот как они узнали, Донли пришел и к ним.

Мудак.

Я на цыпочках возвращаюсь в дом, поднимаюсь по лестнице и иду прямо в комнату Кэпа.

Роюсь в карманах грязных джинсов, но там ничего нет. Потом открываю его прикроватный ящик и вижу ее торчащий из его дневника краешек.

Я замираю.

Кэп много пишет в дневнике.

Может быть, там я найду ответы на свои вопросы?

Я тянусь к нему, но в ту секунду, когда кончиками пальцев касаюсь прохладной кожаной обложки, меня пронзает чувство вины.

Они не пускают людей в этот дом, потому что не могут доверять их намерениям. Это их безопасное место, поэтому дневник лежит прямо тут, где его может обнаружить любой желающий.

Я не могу разрушить их единственное безопасное место.

Я спешу в свою комнату и только там останавливаюсь подумать.

Зачем Кэптену хранить эту карточку?

Он должен знать, что я оставила ее там, его братья поделились бы своими доводами в пользу того, чтобы сохранить ее, если бы она принадлежала им.

Может быть, он хотел спросить меня об этом?

Одно дело, если бы она болталась в кармане его грязных брюк, если бы он поднял ее, чтобы потом выбросить или что-то в этом роде, но он спрятал ее в ящике прикроватной тумбочки и воткнул между страниц, на которых записаны, может быть, его самые глубокие мысли... или самые грязные желания, кто знает. И все же. Почему?

В последнее время он так взвинчен, и Перкинс был одной из причин этому. Черт возьми, он избил его только вчера!

Кэп что-то знает, и я собираюсь выяснить, что именно.

Глава 4

Мэддок

Когда я поднимаюсь наверх, вижу ее в постели, но она не спит. Рэйвен рисует круги фонариком на потолке и даже не смотрит в мою сторону, когда я вхожу.

Как только я запираю дверь, фонарик щелкает, и внезапно становится совсем темно.

Я мгновенно хмурюсь: она задернула шторы.

Ее глубокие вдохи и выдохи выдают ее, она делает все возможное, чтобы контролировать свой страх темноты.

Я снимаю обувь, сбрасываю джинсы и рубашку и забираюсь в постель к ней.

Я тянусь к ее фонарику, она отдает его, но говорит:

– Не включай.

– Почему нет?

– Потому что мне не хочется смотреть на твое лицо, когда ты мне лжешь.

Ах, черт.

Я просовываю руку под подушку и притягиваю ее к себе.

– Как насчет того, чтобы я тогда ничего не говорил, чтобы не пришлось лгать?

Она усмехается.

– Чувак, нет даже намека на неуверенность, как будто ты точно знаешь, что держать меня в темноте вот так будет лучше.

– Так и есть.

– Для кого, здоровяк?

Я молчу и слышу ее смех с ноткой горечи.

Она мотает головой на подушке:

– Разве мы уже не поняли, что скрывать что-то друг от друга – худший из вариантов?

Несколько минут мы не произносим ни слова, погруженные в свои мысли.

– Знаешь, что я поняла о страхе? – спрашивает наконец она, но не ждет ответа. – Он сдерживает нас, отнимает у нас силу. У тебя, здоровяк, никогда не было причин лгать мне, а теперь есть.

Я хмуро смотрю в темную комнату:

– И какова эта причина?

– Ты боишься, – просто говорит она, и мои мышцы напрягаются рядом с ней. Она вырывает фонарик у меня из рук и бросает его на пол. – И если есть что-то достаточно большое, чтобы напугать *тебя*... тогда это должно касаться меня.

Она поднимает взгляд, и теперь, когда мои глаза привыкли к темноте, я могу разглядеть очертания ее лица, заметить беспокойство, которое я почувствовал нутром, как только вошел в комнату.

– Я говорила тебе, – шепчет она, ее пальцы поднимаются, чтобы коснуться моих губ. – Я предупреждала тебя. Любовь? Она делает тебя слабым.

Я качаю головой, переворачиваюсь и забираюсь на нее сверху.

Ее ноги раздвигаются, и я устраиваюсь между ними. Я подношу свои губы к ее губам, провожу ладонью по ее бедрам, она приподнимает колено и упирается мне в грудную клетку.

– Ты все неправильно поняла, детка. Любовь к тебе не делает меня слабым. Она делает меня неудержимым. – Я прижимаюсь к ней бедрами, и ее руки обнимают меня, кончики пальцев скользят по моим лопаткам, когда она прижимает меня ближе. – *Ничто* и *никто* не сможет встать между мной и тобой. – Я провожу носом по ее подбородку. – Никто.

– Тот факт, что ты сказал именно эти слова, говорит о том, что кто-то все же попытается. – Она хватается меня за подбородок, возвращая мои глаза к своим. – Скажи мне, что делать.

– Отдавай мне все, что у тебя есть, всегда, – шепчу я, нагирая, и ее голова вдавливается в подушку. – Сначала думай обо мне. Сначала приди ко мне. *Приходи* только ко мне. Сможешь это сделать?

На ее лице отражается беспокойство, но она шепчет:

– Да.

Я освобождаюсь от своих боксеров и отодвигаю ее стрин-

ги в сторону, кладя головку члена прямо напротив ее разгоряченной киски. Я толкаю кончик внутрь, и ее ноги подтягиваются, обвиваясь вокруг меня.

Ее ногти впиваются мне в спину, когда я вхожу в нее и делаю медленные, короткие толчки.

– Мэддок?

– Да? – Я опускаю голову рядом с ней, мои губы на ее плече.

– А что, если этого недостаточно?

– Того, что ты даешь, никогда не будет достаточно, Рэйвен. Я всегда буду хотеть большего. – Я слышу свой стон, когда она начинает двигать бедрами мне навстречу, умоляя меня сделать то, что, как она знает, могу только я. – Люби меня, детка, и вместе нас будет не остановить.

Из нее вырывается стон, и она толкает меня в грудь.

Я позволяю ей перевернуть меня и забраться сверху, но она не хочет так, она хочет почувствовать меня всего.

– Сядь, – требует она, удерживая меня внутри себя, но двигая ногами сзади.

Я делаю, как говорит моя малышка, и она скользит еще глубже вниз по моему члену, заставляя мои бедра сжиматься. Мои руки летят к ее заднице, толкая ее к себе, сжимая, раздвигая.

Ее голова откидывается назад, и мой рот опускается к ее горлу, когда она снимает рубашку и бросает ее куда-то назад.

Положив руки мне на плечи, она начинает скакать верхом,

ее спина изгибается, ее движения совершенны.

Я наклоняюсь вперед, скольжу зубами по ее соскам, и она стонет, ее киска подергивается подо мной, и я рычу, больше не в силах себя контролировать.

Я держу ее на себе, приподнимаясь так, чтобы мои ноги были на полу, и сажусь с прямой спиной на кровати.

Она хрипло смеется, поднимая голову, одной рукой скользит вверх и обнимает мою шею сзади.

– Парень, я не из тех, кто слишком надолго готов отказаться от власти.

Я поднимаю ее маленькое тело, двигая ее так, как хочу, и ее ноги обвиваются вокруг меня, ее длинные черные волосы падают вокруг нее, грудь к груди, рот ко рту.

– Ты такая сексуальная, детка. Такая красивая.

Она ахает, когда я попадаю в то место, которое она любит, хватает меня крепче, ее губы прижимаются к моим.

Она смотрит мне в глаза.

– И такая *твоя*, – стонет она, ее язык быстро скользит между моими губами.

Я рычу, просовывая руку между ее ягодиц, надавливая средним пальцем и притягивая ее еще ближе.

Это был не вопрос, и да, это то, что я уже знаю – она моя, – но слышать, как она говорит это прямо сейчас, после нескольких гребанных дней, которые у нас были... Я готов кончить прямо сейчас.

– И все такое.

Я ускоряюсь, и она подтягивает ноги назад, чтобы встать на колени. Вот так, когда мои ноги на полу, а ее колени рядом со мной, наш секс становится диким, жестким и таким нужным для нас обоих, отчаянно желающих кончить, но сдерживающихся, еще не готовых отпустить.

Жесткие, влажные шлепки слышны по всей комнате, возможно, даже в коридоре, но мне наплевать.

Ее стоны становятся громче, мои стоны становятся глубже, и наконец ее зубы впиваются в мою нижнюю губу, и она начинает дрожать рядом со мной.

Я переворачиваю ее на спину, подтаскиваю ее кистку к краю кровати и врезаюсь в нее, заставляя оргазм ударять сильнее, и ее ноги прижимаются к моим, крепко сжимаются, но я снова их развожу, и ее рука движется между ног.

Я позволяю ей ласкать себя, но только для того, чтобы я мог наблюдать, как я жестко кончаю в нее. Мои руки на ее бедрах, скорее всего, оставят синяки, но она не будет жаловаться.

Она хочет всего меня, как и я требую всю ее.

Она тянется ко мне, когда я наконец перестаю дрожать, поэтому я выхожу, забираюсь обратно на кровать и подтягиваю ее на подушках к себе.

Когда наше дыхание замедляется, она начинает водить пальцем по моей татуировке.

Я знаю, что ей любопытно, зачем я ее набил и что означают четыре переплетенные веревки, но ей придется спросить.

И она спросит.

Я обнимаю ее, и она выдыхает.

Через несколько минут ее рука перестает двигаться, дыхание выравнивается, и я знаю, что она заснула в моих объятиях, где ей и место.

Вот тогда-то ко мне и приходят мысли, которых у меня не должно быть и которым я никогда бы не поддался, те, от которых меня мутит.

Те, о которых предупреждал нас отец.

Это было бы так чертовски просто.

Один звонок – это все, что потребуется... чтобы разрушить мир моего брата и спасти мой.

Меня гложет чувство вины, не давая мне спать всю ночь.

Глава 5

Рэйвен

– *Она не девственница*, – слова доктора, который уложил меня в лимузине Донли Грейвена, вертели у меня в голове с момента неожиданных признаний Ролланда.

Моя мать была родом отсюда.

Черт, не только отсюда, она была Брейшо.

До того, как Ролланд поговорил с парнями, он на что-то намекнул, и теперь я вижу в этом смысл. Он сказал, что, если я хочу кого-то винить, стоит винить свою мать в том, что она не смогла удержать ноги вместе до первой брачной ночи. Так что я могу только предположить, что когда-то она стояла там, где я сейчас.

Конечно, в истинном стиле Равины она что-то испортила по пути.

Знала ли она, что Грейвен в конце концов придет и будет задавать мне вопросы?

Почему, черт возьми, ее это должно волновать?

Я дуюсь ни на что.

Ничего вообще тут не имеет смысла!

Моя мама была Брейшо, но сбежала. Грейвен накачал ме-

ня наркотиками, тыкал и пихал – буквально, – а затем просто отпустил, как будто дерьмо, которое он сделал, было нормальным, как будто он был неприкосновенным и мог позволить себе делать со мной все, что хочет.

Он не такой и не может.

– Привет.

Я оборачиваюсь на слова Кэптена, вырываясь из своих мыслей.

Он выглядит дерьмово, взволнованно.

– Что случилось?

– Вы с Мэддоком говорили прошлой ночью? – спрашивает он.

Я кладу толстовку на кровать и, нахмурившись, оборачиваюсь.

– Нет, Кэп. Он не решил вдруг предать ваше доверие, посвятив меня в то, о чем мне не сообщили.

Его взгляд опускается, и я мгновенно чувствую себя дерьмово.

С тяжелым вздохом говорю:

– Прости, я так раздражена, потому что встала сегодня очень рано, у меня все еще туман в голове, и я уже несколько дней не ела свой кленовый батончик, и вообще могу съесть слона, – шучу я.

Его губы приподнимаются, и он медленно поднимает взгляд снова на меня.

Так много печали...

Кэп высовывает голову в коридор, а затем проходит через всю комнату, осторожно закрыв за собой дверь, и мой пульс учащается.

– Кэп.

– Ты видела карточку в моем ящике.

Ах, черт.

Разве я не положила ее на место?

Я киваю.

– Ты хочешь знать, почему я сохранил ее?

Я падаю на свой матрас, качая головой.

– Ну же, капитан. Это же игра, в которой мы оба хороши. Ты *знаешь*, что хочу, но мне нужно, чтобы ты добровольно поделился информацией. Ты должен хотеть сказать. – Яжимаю плечами.

Он вздыхает и подходит, и садится на корточки передо мной, так что наши глаза оказываются на одном уровне.

– Ты бы спросила Мэддока.

– Эх, он мне нравится, когда злится. – Я смеюсь, и Кэп смеется вместе со мной. – Нет, но правда. Я бы спросила Мэддока, потому что ему это нравится. Он хочет, чтобы я подтолкнула его, что я и делаю. Тебя, Кэп, я не могу спросить, потому что, хотя я и хотела бы, чтобы ты со мной поделился, ты еще не готов к этому, и я уверена, что у тебя есть на то причина. Ты умный, разум компании. Я доверяю тебе.

– Ты не должна, – мгновенно выпаливает он, и я отстраняюсь. – Рэйвен, не позволяй мне разрушать твою жизнь.

Я отодвигаюсь от него еще дальше.

– О чем ты говоришь?

Страдальческое выражение появляется на его лице, и он проводит по нему руками, но избавиться от него не получается.

– Я очень стараюсь не предавать всех, кто мне близок, но прошло всего несколько часов с тех пор, как я узнал, как исправить то, что сломано в моем мире, и я уже теряю контроль. Я чувствую, что могу сорваться в любой момент, – признается он, стыдом и ненавистью к себе пропитано каждое его слово.

Дерьмо. Что, черт возьми, происходит? Что, черт возьми, я должна сказать?

Я делаю с ним то же, что и с Мэддоком, только другими словами.

– Скажи мне, что тебе от меня нужно, Кэп.

– Отойди подальше. Не принимай ничего за последнее слово, просто борись. – Шаги на лестнице заставляют нас обоих коротко взглянуть в сторону двери, а затем снова друг на друга. – Мы были рождены *для* Брейшо, но ты, Рэйвен, *и есть* Брейшо. Используй эту силу, даже если в конце концов придется выступить против нас.

– Я... – *Какого черта?* – Нет.

– Рэйвен, – хрипит он, немного отступая. – Пожалуйста.

– Этого не будет, – не сдаюсь я. – Если грядет что-то настолько серьезное, что-то, что по-настоящему обернет меня

против вас, против любого из вас, я не буду в этом участвовать. *Я не смогу.*

– Сможешь.

– Нет. – Я стою, хмуро глядя на него сверху вниз. – Я не могу. Физически. Я никогда в жизни не заботилась о другом человеке, Кэптен. Я даже толком не знаю как, но я этому учусь у вас, и последнее, что бы я сделала, – это повернулась спиной к тем людям, которые что-то для меня значат. Если выбор стоит – я или один из вас – это вы, ребята. Всегда. Вот как это работает.

– Рэйвен...

– Перестань. Вы ведете себя так, будто у вас троих разные взгляды. Я знаю, что ты сделал бы для меня, и ты должен принять то, что я сделала бы для тебя. Я люблю тебя, Кэптен. Я люблю Ройса. И Мэддока... – У меня внезапно пересыхает в горле, слова проникают мне прямо в душу.

Отказываясь больше быть похороненными внутри, они впервые лезут наружу.

Я люблю его. Очень.

Я сглатываю, выкладывая ему всю правду:

– Я бы сдалась в одно мгновение, если бы это означало, что вы, ребята, останетесь крепко стоять.

Он вскакивает на ноги, сердитый взгляд на его лице застает меня врасплох.

– В этом и суть, Рэйвен, – рычит он, голубые глаза затуманены явным недосыпом. – Мы не можем быть сильными

без тебя, больше нет. Ты падаешь или уходишь, поворачиваешься к нам спиной, мы отстаем на несколько секунд. Мы, черт возьми, расколемся, Рэйвен. Перестань думать, что ты стоишь меньше, чем мы. Ты часть нас.

– Итак... похоже, что один за другим мы все падаем. – Я пожимаю плечами в растерянности, когда даже не знаю, чего это стоит или о чем, черт возьми, он говорит. – Кто тогда останется стоять, Кэп?

Его лицо мгновенно вытягивается, как будто он только что осознал исход той реальности, которая разыгрывается в его сознании.

– Черт.

Он поворачивается к двери, останавливаясь, чтобы посмотреть на меня через плечо.

– Если бы я сказал тебе оставить все как есть, держаться подальше от Перкинса и Грейвенов...

– Я бы сказала что-то вроде *поцелуй меня в задницу*.

Он издает тихий смешок, заставляя меня ухмыльнуться.

Прежде чем он успевает взяться за ручку, она поворачивается и открывается, за ней оказываются Ройс с Мэддоком.

Мэддок мгновенно хмурится, чувствуя напряжение, Ройс же читает его в наших лицах.

Ройс поворачивается к Кэпу, в его взгляде обвинение, в то время как Мэддок не сводит глаз с меня.

– Что происходит? – спрашивает он.

– Так. Секретничаем, – не могу сдержаться, чтобы язви-

тельно ответить.

Я не хочу, чтобы они чувствовали себя дерьмово или чтобы они выложили все начистоту, скорее я знаю, что, если на данном этапе наших отношений им приходится что-то скрывать от меня, это должно быть что-то действительно дерьмовое. Признаюсь, от этой мысли меня немного подташнивает.

Ройс выдыхает, пристально глядя на своего брата, он взбешен. Приходит осознание, затем он смотрит на меня.

– Он хочет, чтобы ты сражалась с нами, не так ли?

Я смотрю на Мэддока, который переводит взгляд на Кэптена.

– Кэп? – рывкает он.

Глаза Кэптена на мгновение закрываются. Потом он коротко смотрит на меня и снова поворачивается к своим братьям.

– Прошлой ночью она была, и мы это знаем. В истории не хватает гребаных деталей, и, если моя интуиция верна, их много. Посмотри правде в глаза, брат, все, что ей нужно сделать, – это спросить определенных людей, и они будут умирать от желания рассказать ей о том, что мы знаем. Мы не можем не быть готовы к тому, что она выяснит все раньше нас, и если она это сделает... – Он замолкает, глядя на меня несчастными глазами, потом протягивает руку, хватает меня за ладонь и сжимает. – Тогда нам нужно, чтобы она с этим справилась.

Я встречаюсь с ним глазами, волнение пробивается

внутри.

Они стоят здесь, разговаривают так, будто меня нет рядом, беспокойство, гнев и неуверенность написаны у них в глазах.

Мой разум лихорадочно работает.

Эти мальчики хотят защитить себя, и из всех вне этой комнаты – их отец не в счет – только один человек, как я знаю, мог бы вызвать у них подобную реакцию.

Мой взгляд устремляется на Кэпа, и я сжимаю зубы. Он сказал, *его мир*.

Зоуи.

Морщины на лбу Кэпа становятся более заметными, его хватка становится чуть крепче, и я понимаю, что он понял.

Резкий выдох Мэддока и прошептанное Ройсом – *черт* – говорят мне, что они тоже поняли.

– Она в опасности? – спрашиваю я, гнев вибрирует в каждой косточке моего тела. – Скажи мне.

Кэп качает головой, мгновение колеблется, но затем говорит:

– Скажи это, Кэптен. Просто скажи мне, что она в безопасности.

– Она в безопасности, я клянусь.

То, как звучат его слова, заставляет меня нахмуриться сильнее.

– Но ей что-то угрожает?

Его глаза опускаются, не в силах встретиться с моими, его

тон уверенный и ровный, когда он говорит:

– Ей никогда ничего не будет угрожать, Рэйвен. Никогда.

Я киваю, напряжение в моем теле немного спадает, но оно только усиливается, когда Ройс добавляет:

– В этом-то и проблема.

Мои глаза скользят к нему.

– В смысле?

– Мы не можем допустить, чтобы она подвергалась опасности, мы должны защитить ее.

– Как и следует.

– Любой ценой, – хрипит Ройс, переводя взгляд на Мэддока.

Я смотрю на него.

Чистый гнев прожигает его лицо, обостряя и без того острые углы, ожесточая и без того суровые глаза.

Сила солдата в теле короля.

Глаза Мэддока впиваются в мои.

Какова цена?

Глава 6

Мэддок

Рука Кэпа отпускает ее в ту же секунду, как мое тело движется вперед.

Она вытягивается, на ее лицо возвращается боевое выражение, но сейчас это дерьмо не сработает.

Я оказываюсь в одном шаге от нее, но прежде чем хоть слово слетает с моих губ, она произносит целых три.

– Я люблю тебя.

Я замираю, мой пульс в мгновение учащается.

Она осторожно поднимает пальцы, проводя ими по пульсирующей вене на моей шее.

– *Я люблю тебя*, здоровяк. Я не знаю почему, – говорит она, искренне смутившись.

Уголок моего рта приподнимается, и позади меня раздаются тихие смешки моих братьев.

– Но я люблю, – продолжает она, пожимая плечами. – Ты можешь просить или требовать, чтобы я тихо сидела в сторонке, но я даже не буду притворяться, что слушаю. Меня сейчас тошнит только от одной мысли о том, что что-то – или кто-то – пытается забрать тебя у меня. Ты, Мэддок, ка-

ково бы ни было твое второе имя, Брейшо, – еще одна порция смешков, – мой. Единственный человек, которому позволено забрать тебя у меня, – *это я сама*.

При ее словах моя грудь сжимается от давления всего гребаного мира.

Она понятия не имеет, но это именно то, что было бы, если бы она узнала.

Черт, кого я обманываю, *когда* она узнает.

Она заберет себя у меня, чтобы спасти мою семью именно так, как, по ее мнению, нас нужно спасти, чтобы защитить мою племянницу.

Позволил бы я ей или вместо этого предал бы своего брата?

Ни один вариант не подходит.

Я бы никогда не повернулся спиной к своим братьям и я никогда не позволю им забрать ее.

Моя голова начинает жутко болеть, когда я смотрю на нее. Отец сказал, что Равине пришлось согласиться на этот брак, так что Рэйвен придется сделать то же самое. Она так и делает, когда узнает, что на кону либо она, либо Зоуи.

Она сделает для нас все что угодно.

Такая чертовски самоотверженная. Такая сильная. Такая моя.

И сейчас?

Словно читая мои мысли, ее лицо вытягивается, поэтому я быстро обнимаю ее за талию и притягиваю к себе. Я прово-

жу губами по ее губам, но она чувствует досаду и кусает мои.

— Ты могла бы попытаться оторваться от меня, но я скажу тебе прямо сейчас, что это, черт возьми, не сработает. — Я придвигаюсь еще ближе, чтобы сжать ее бедра. — И я тоже люблю тебя, детка.

— Да, почти так же сильно, как я, — бросает Ройс через мое плечо, и она смеется, закатывает глаза к потолку, а потом отступает.

Она смотрит на нас троих, но, прежде чем кто-то успевает еще что-то сказать, открывается и закрывается входная дверь, и голос нашего отца эхом разносится по лестнице.

— Мальчики, Рэйвен. Мне нужно несколько минут вашего времени перед школой!

Рэйвен мгновенно хмурится, и братья смотрят на меня.

Коротко кивнув, Ройс поворачивается и выводит нас, но Рэйвен хватается меня за запястье, удерживая на месте.

Ее взгляд становится твердым, но я позволяю ей смотреть в мои глаза и найти в них то, что ей нужно.

Она отпускает меня и отходит, поэтому я обнимаю ее за талию и утыкаюсь лицом ей в шею.

— Я и ты, детка, — напоминаю я, покусывая ее нежную кожу.

Она откидывает голову назад на долю секунды, а потом отстраняется.

Мы догоняем братьев на лестничной площадке, отец в нескольких футах от нас, сидит на краю дивана.

Он видит широкие ступни Ройса и Кэптена, их расправленные плечи и как я немного возвышаюсь над Рэйвен, которая стоит рядом со мной, высоко подняв подбородок.

Недовольство затуманивает его глаза, но оно исчезает в одно мгновение, и в следующую секунду он сосредотачивается на Рэйвен.

– Я разблокировал старый счет Равины и перерегистрировал его на тебя. Все с личного счета твоего деда было переведено на него вместе с пятьюдесятью одним процентом всех доходов Брэй с того дня, как я узнал о твоём существовании, до прошлого месяца. Все рассчитывается и распределяется ежемесячно, так что счет будет обновляться к пятому числу каждого месяца. – Он протягивает ей конверт, и ее мышцы сжимаются при виде его – той же формы, размера и цвета, что и тот, что дал ей Донли. – Тебе надо подписать пару бумаг. Здесь твоя карточка и немного наличных.

Она качает головой:

– Мне не нужны твои деньги.

– Это твои деньги. У меня есть свои. – Он опускает руку, оценивая ее.

– Я их не хочу, – отказывается она.

Он встает на ноги, и мы, все трое, естественно, придвигаемся к ней на дюйм. Он не пропускает это движение, и гнев застилает ему глаза.

Он успокаивает себя.

– Это принадлежит тебе. Ты *возьмешь* их.

– Да, и как ты собираешься заставить меня? – Она делает шаг вперед, и я быстро проскальзываю между ней и отцом, закрывая его от ее взгляда.

Она смотрит на меня снизу вверх, такая чертовски дерзкая. В ее глазах горит раздражение, но чем больше она смотрит на меня, тем больше оно ослабевает, и легкая ухмылка появляется на ее губах. Она моргает, и я отступаю назад.

Вопросительный взгляд отца переходит с меня на нее.

– Послушай, – начинает она, на этот раз спокойнее.

Он расправляет плечи, думая, что она уже сдалась, но он не знает Рэйвен.

– Я не намеренно толкаю тебя на каждом гребаном углу, но ты продолжаешь бросать дерьмо в мою сторону. Мне нужно, чтобы ты немного расслабился, особенно насчет таких вещей. Это нелепо. Я не возьму деньги у человека, которого никогда не знала и который даже не подозревал о моем существовании. Это неправильно. Ты знал его. Он доверял тебе настолько, чтобы передать все это из рук в руки, так что это твое.

Его брови приподнимаются, но не от гнева.

– Это не так работает, Рэйвен. Они *принадлежат* тебе.

Она пожимает плечами, ее брови приподнимаются.

– Да, хорошо, я подпишу это или что там еще нужно, если ты беспокоишься о логистике.

Он смотрит на нее, немного в благоговении, немного в шоке, Кэп и Ройс при этом мягко улыбаются, и потом он

смотрит на меня, сердце у меня в груди бьется как сумасшедшее.

Она свирепа, несмотря на свою слабую мать.

Преданна, несмотря на неспособность доверять.

Честна, даже когда это причиняет ей боль.

Она Брейшо, хотя еще недавно и понятия не имела, что значит быть одной из нас.

У нее не было возможности подготовиться.

Она доказывает это все больше и больше с каждым днем.

Отец медленно подходит ближе.

– Я не возьму того, что мне не принадлежит.

Рэйвен поднимает подбородок, ее длинные темные волосы касаются моих запястий.

– Вот почему ты заплатил за меня, да?

– Я согласился заплатить за тебя, потому что думал, что, дав ей деньги, я обеспечу для тебя более стабильную жизнь в то время, когда, как я понимал, еще было не время приводить тебя домой, – огрызается он. – Я не знал, что она все спустит на наркотики и все такое. Я понятия не имею, как она умудрилась это сделать. Она получала деньги не только от меня, но и от государства и, конечно же, от своих клиентов. И все же она не могла содержать ваш дом в чистоте, тепле и с нормальной едой.

Рэйвен пожимает плечами, но на этот раз с меньшей агрессией.

– Наркоманская история, Ролланд.

– Верно. – Он кивает, его хмурый взгляд встречается с ее, что-то скрытое мелькает между ними. – Деньги твои, Рэйвен. Я знаю, что ты на мели, если уже не совсем без денег, и склады для тебя больше не вариант. У тебя должны быть вещи, которые тебе нужны или скоро понадобятся, средства гигиены и тому подобное. Возможно, тебе нужен телефон или даже машина. – Он снова протягивает конверт, и когда она делает еще один шаг в сторону, он объявляет то, что заставляет ее застыть на месте. – Там удостоверение личности, в том числе социальное. Твоя мать сообщила мне, когда ты перевернула в своем трейлере все вверх дном в поисках их. Они были у меня с тех пор, как я нашел тебя.

Я напрягаюсь рядом с ней, и ее глаза встречаются с моими. Удостоверение личности. По ее мнению, это было все, что ей нужно для бегства, как она сама говорила, без этого она не смогла бы получить настоящую работу или жить, как хочет. Это было все, что удерживало ее от нормальной жизни, которой она жаждала, жизни, которой она хотела до нас.

Зачем отдавать это ей?

– Также там документы об освобождении от опеки по достижении совершеннолетия, – говорит он, и глаза Рэйвен сужаются. – Их рассмотрели в срочном порядке, твоя мать подписала их в тот день, когда Мария тебя забрала. Тебе нужно только подписать их, и они будут обработаны в течение двадцати четырех часов. Суд не нужен, дело улажено. Подпиши их, и ты станешь взрослой по закону, хотя не то

чтобы нам здесь нужно сильно беспокоиться о законах.

Она протягивает руку, хватая мою, и, когда я оглядываюсь на отца, встречаю его взгляд.

– Я знаю, что ты делаешь, Ролланд, и это не сработает, – говорит она ему, и он очень медленно переводит на нее взгляд. – Деньги, что угодно. Я даже не знаю, может быть, ты действительно должен это сделать, но суть не в этом... ты даешь мне то, что я искала годами? Предлагаешь мне немного свободы, которую дают эти вещи, так ты пытаешься меня успокоить. Заставить меня думать, что я все контролирую, когда, по твоему мнению, это далеко от истины.

Ты внимательно наблюдал за нами и решил, что я не стану убегать, это единственная причина, по которой ты вообще подумал о том, чтобы дать мне свободу. Ты хочешь, чтобы это давало тебе гарантию, и знаешь, я не заставлю тебя ждать.

Она смотрит на меня, потом на Кэпа и Ройса.

– Эти мальчики... – Она тихо смеется и слегка дергает головой, ее взгляд возвращается к нему. – Я никогда не смогла бы оставить их, так что смились. Теперь ты знаешь, конечно, уже из моих уст, они на первом месте.

Челюсть отца сжимается, но не от гнева, а от мыслей, поэтому, когда он делает шаг к ней, я остаюсь рядом, вместо того, чтобы отойти и прикрыть ее.

Он кивает, его ноги в дюйме от ее.

– Ты – нечто большее, чем я мог себе представить, Рэйвен

Брейшо, – признается он. – Но, как и ты, я всего лишь хочу защитить свою семью, и хотя я понимаю, что теперь мальчишки твои, они все еще мои. – Он хмурится. – У нас одинаковые цели, Рэйвен, я клянусь тебе в этом, но вашим юным душам еще предстоит столкнуться с тем, что с жизнью под руку идет потеря. С любовью – жертва.

Его глаза встречаются с моими, и я не могу понять, говорит он о своей жертве, моей или ее.

Может быть, обо всех трех?

Он протягивает мне конверт, я беру его, и он поворачивается и уходит, бросив через плечо:

– Заставьте ее подписать бумаги, ребята. Иначе случится то, чего не хочет никто из нас.

Черт.

Рэйвен смотрит на меня и отдергивает руку, заговаривая раньше, чем я успеваю.

– Я не хочу этого, Мэддок. К тому же я знаю, что деньги приносят еще больше проблем.

– Ты хочешь быть в состоянии позаботиться о себе, верно?

Она свирепо смотрит:

– Да, хочу. Но не таким образом. Он заставляет меня чувствовать себя как моя мать. Он дает мне деньги – и если я беру их, это значит, я соглашаюсь, что моя жизнь принадлежит ему?

– Твоя жизнь принадлежит мне.

Она ничего не может с собой поделать и смеется, отводя

глаза.

Я подхожу к ней ближе:

– Подпиши бумаги, Рэйвен. Тебе не нужно прикасаться к деньгам, если ты не хочешь, но они будут там. Пусть останутся лежать там, – я встряхиваю конверт, – и мы притворимся, что ничего не было. У тебя есть карточка, ты сделаешь с ней все, что захочешь.

– А что, если я все это отдам? – дерзко говорит она.

Я пожимаю плечами.

– Мне плевать, что ты с этим сделаешь. Это твое. Разрежь карточку пополам, спрячь ее, отправь своей матери в отместку, кого это, блядь, волнует. У нас тоже есть свои деньги, так что ты нас не обманываешь. То, что ты решишь с ними делать, зависит только от тебя.

Она пристально смотрит на конверт.

– Это не может быть так просто.

– Ничто никогда не бывает просто.

– Я не хочу, чтобы кто-нибудь знал.

– Никто не узнает, только если ты сама не скажешь.

Она фыркает.

– Так что, мне подписать это как Брейшо или как Карвер?

Я разрываю конверт и высыпаю содержимое на кофейный столик. Ее удостоверение личности отскакивает на пол, оборотом вверх. Она переводит взгляд с него на меня.

– Давай выясним, – говорю я ей, наклоняясь, чтобы поднять его, но она успевает первой.

Она переворачивает его и читает вслух свое имя.

– Рэйвен Карвер Брейшо. – Она хмурится. – Мое второе имя *Карвер*?

С глубоким вздохом она лезет в рюкзак за ручкой и, не утруждая себя чтением, вслепую ставит подпись в каждой выделенной строке. Затем хватает оставшуюся часть дерьма из конверта и направляется к двери.

– Пойдем, я все еще хочу кофе.

Мы позволяем ей выйти, и я поворачиваюсь к братьям.

– Он пытался сказать, что, если она не возьмет деньги, они по умолчанию перейдут к Грейвенам, как только она будет передана им? – спрашивает Ройс.

– Она не будет передана им, – язвит Кэп.

– По крайней мере теперь все будет на ее имя, и они не смогут к ним прикоснуться.

– Да, – усмехается Ройс. – Когда она ошарашит его брачным контрактом.

– Ройс!

Кэп бьет его по затылку, и он вскидывает руки вверх.

– Извини, черт возьми, я знаю. Я лучше буду злым или отпускать гребаные шутки, чувак. У меня нет промежуточного состояния. Либо я выхожу с командой поддержки, либо душу всех голыми руками.

Кэп качает головой.

– Пойдем, она знает, что мы говорим о ней.

– Да, встретимся через секунду. – Ройс поднимается по

лестнице, а мы вдвоем направляемся к машине.

Вернувшись через несколько минут, бросает Рэйвен ее ай-под и наушники.

Она ловит их, хмуро глядя на него, но он просто пожимает плечами.

– Держи это при себе на случай, если захочешь всех заглушить. Подключи их, включи музыку и пошли все на хрен, Рэй-Рэй.

Она слегка кивает и делает именно то, что он сказал.

Мы едем в магазин пончиков, Рэйвен рядом со мной, счастливая, что сейчас получит свой долбаный кофе за доллар и кленовый батончик, нисколько не взволнованная тем, что всего пять минут назад стала мультимиллионером.

Глава 7

Рэйвен

– Ты собираешься это есть?

Я запрокидываю голову и вижу Викторию.

Она падает на траву рядом со мной:

– Ты ведь понимаешь, что трава мокрая?

– И ты только что на нее уселась.

Она усмехается:

– Я не говорила, что для меня это проблема.

Я смеюсь, предлагая ей батончик с кленовым сиропом, от которого отломил только небольшой кусочек.

Она качает головой:

– Я пошутила. Не люблю сладкое.

– О'кей, а я люблю, и меня бесит, что я не могу его съесть.

В животе все еще крутит. Кофе я тоже не допила из-за этого.

Она бросает на меня косой взгляд, а потом переводит его на баскетбольные площадки, где парни валяют дурака, кидают мяч в обруч и ждут, когда прозвенит звонок. Почему мы все проснулись сегодня ни свет ни заря, я даже не знаю. Наверное, у нас было слишком много забот, чтобы спать.

– Вчера вечером Мейбл выбросила все шмотки Виенны.

Прямо в мусорный контейнер, даже вынесла все сама. Похоже, Мейбл узнала, что она сделала? – Она поворачивается ко мне.

– Уверена, эта женщина знает больше, чем любой из нас мог бы предположить. Побудь-ка рядом с этой семьей так долго, как она. Секреты на секретах...

Мои брови приподнимаются.

Мейбл.

– О-о, – произносит Виктория.

Я смотрю на нее:

– Что?

– У тебя на лице написано *«я только что поняла кое-какое дерьмо»*.

– С каких это пор ты хочешь что-то знать? Я думала, что твое кредо *«меньше знаешь – крепче спишь»*?

– Так и есть, – она угрюмо смотрит на меня. – Разве я спросила тебя, что ты поняла? Нет. Не спросила. Я просто узнала твое *«я собираюсь сделать хитрый ход, который выведет их из себя»*.

– Я думала, лицо было таким, будто *«я поняла кое-какое дерьмо»*?

– Да. Что означает то же самое, черт возьми, на языке Рэйвен, – она смеется.

Я не могу удержаться, чтобы не посмеяться вместе с ней.

– Знаешь, тебе следует пересмотреть свою позицию в отношении нежелания ничего знать.

Ее улыбка внезапно исчезает, хмурый взгляд теперь направлен в никуда.

– Все гораздо сложнее, Рей. Честно говоря, я даже не должна сидеть здесь и разговаривать с тобой, и я уверена, что не должна была быть с вами, ребята, последние несколько дней. Тот факт, что я хочу просто потусить с вами, отчасти раздражает меня.

– Ты заставляешь меня думать, что не стоит тебе доверять.

– Может быть, и не стоит. – Она пристально смотрит на меня. – Я не собираюсь лгать, есть вещи, которые тебе во мне не понравятся, может быть, ты даже возненавидишь меня за них. Я также могу поклясться, что не хочу ничего плохого, хотя мне есть что скрывать.

– Что, черт возьми, я должна с этим делать, Виктория?

Она просто пожимает плечами.

– Что хочешь, но я буду настолько честна, насколько смогу. Я могу держаться подальше, без проблем, но, рискуя показаться слабой сукой, я не разозлюсь, если рядом будет кто-то, кому наплевать меньше, чем мне.

– Ты действительно говоришь как слабая сука, – шучу я, все еще немного на взводе от ее признания, но, черт возьми, она сама вызвалась, верно? Это должно что-то значить. – Но я могла бы иногда использовать другую вагину, чтобы немного лучше сбалансировать члены.

– Что у Рэй-Рэй означает «сбалансировать *на* членах», – дразнит Ройс, когда парни подходят к нам. – В плане... – Он

замолкает, приподнимая брови. – Я угадал? – Он смотрит на меня, большая задница, с невинной ухмылкой на его далеко не невинном лице.

Я смотрю на Викторию, которая моргает, глядя на него, слегка наклонив голову, и из меня вырывается смех. Я тянусь к руке Мэддока, когда он протягивает ее, позволяя ему поднять меня.

– Нет, – я хихикаю. – Я совсем не то имела в виду, малыш.

– Ой, да ладно. – Он обнимает меня за плечи. – Не ври. – Ты сказала «малыш», и это значит, ты думала о том, чтобы немного прокатиться верхом, хотя скакун должен быть помассивнее. – Он ухмыляется. – Скажи ей, какие мы хорошие, Рэй-Рэй. Я думаю, Кэп хочет ее трахнуть. Держу пари, мы с ним могли бы не дать ей уснуть всю ночь.

Виктория кривит губы, встает на ноги и поворачивается, чтобы уйти, но я успеваю заметить легкий румянец, поднимающийся по ее шее.

– Ты же знаешь, что мы не кровные братья, верно?! – кричит он, поддразнивая ее еще больше. – Мы можем играть с нашими игрушками одновременно, и это не будет странно, просто скажи!

Свирепый взгляд Кэпа побуждает меня отойти от Ройса, после чего Кэп сильно пихает его.

– Ты такой тупица, – ворчит Кэп. – Я иду на урок. Увидимся на втором уроке, Рэйвен.

Я киваю, прислоняясь к Мэддоку, когда он подходит ко

мне.

Ройс просто смеется над собственным идиотизмом и наклоняется, чтобы схватить ртом мой несъеденный батончик. Он идет в класс.

– Думал, ты умираешь по этой штуке? – Мэддок целует мое запястье, когда мы следуем за ними в здание школы.

– Умирала, но после всего дерьма прошлой ночью и Кэпа до этого, а затем бомбы от твоего отца батончик уже как-то не хочется.

Как только мы входим в дверь, Мэддок останавливает меня, медленно прижимает к стене, держа руки на моих бедрах, и пристально смотрит на меня сверху вниз.

Я поднимаю руки, лениво обвивая ими его шею, он поворачивает голову, проводит губами по моей коже и ухмыляется, когда я дрожу.

– Ты бросил все на своих людей, здоровяк. Они не привыкли видеть, как их король так откровенно распускает руки, – поддразниваю я.

Он подходит ближе, его руки скользят вверх по моим бокам, под свитер, он игнорирует всех вокруг, кто остановился, чтобы поглазеть.

– Мне все равно, – хрипит он. – Им надо это увидеть.

– Увидеть что? – Я ловлю его губы своими.

– То, что принадлежит мне. Я хочу, чтобы они ревновали и понимали, что они не могут иметь тебя, а я могу. Когда захочу.

Я мурчу ему в рот, и он смеется, но секунду спустя становится серьезным. Он немного отстраняется.

– Скажи мне, что ты понимаешь, что мы ничего от тебя не скрываем только потому, что ты не часть нас.

– Скажи мне, что ты понимаешь, почему я должна попытаться разобраться в этом сама.

Его взгляд становится жестче:

– Я не позволю тебе снова пытаться защитить меня.

Я отпускаю его руки, и он отступает.

– Я уже говорила тебе: я делаю то, что хочу.

– И я тоже. И я запру тебя в этом гребаном доме, если почувствую, что это необходимо, Рэйвен.

– Ни секунды в этом не сомневаюсь, здоровяк.

С этими словами я подхожу к Ройсу, который ждет меня в напряженной позе за дверью нашего класса.

Я оглядываюсь на Мэддока, и жесткость, от которой хмурится его лоб, ложится тяжестью на мои плечи.

К счастью, Ройс чувствует это и приобнимает меня. Мэддок кивает своему брату.

– Выше нос, Рэй-Рэй, – шепчет он. – Не позволяй этим придуркам раскусить тебя.

С этими словами он ведет меня в класс, где мы скрываем наши проблемы и притворяемся, что мы такие же крепкие, как они думают. Физически так оно и есть, но мысленно мы превращаемся в чертово шоу уродов.

Мы занимаем свои места, и не проходит и десяти минут,

как я уже вся извелась.

Смотрю на часы.

Добежать до дома Брэй, чтобы попытаться поймать там Мейбл, займет около пяти минут. Десять минут на туда-обратно. Выполнимо.

Вчера меня рвало весь день, так что мне бы сошел с рук «приступ» расстройства желудка. Единственная проблема – заставить Мейбл говорить и сколько времени это займет.

Парни ей как дети, так что она им преданна, но на днях на крыльце она собиралась мне что-то сказать, перед тем как Мэддок выскочил наружу, чтобы убедиться, что я все еще там. Она что-то хотела сказать.

Я должна попытаться.

Я ерзаю на стуле, хватаясь за край стола, когда мне по голове стучат свернутым листом бумаги. Я смотрю на Ройса.

Он злобно смотрит и качает головой, понимая, о чем я думаю, – на данный момент даже поход в туалет в одиночку «не разрешен».

Что еще больше утверждает меня в моем намерении – дверь распахивается, и Кэптен вводит надутую Викторию в класс.

Она дергается в его объятиях, бросает взгляд через плечо, но он даже не смотрит в ее сторону.

Он смотрит на Ройса, кивает ему, встречается взглядом со мной и выходит.

Виктория бросает свои бумаги на учительский стол, а за-

тем направляется ко мне.

Ройс тихо посмеивается, сидя на своем месте, и смотрит мимо меня, жестом приказывая парню с другой стороны пересечь на несколько парт назад, что тот делает без вопросов, и Виктория опускается на его место.

Она хмуро смотрит:

– Ты начинаешь диктовать свои правила, даже не говоря ни слова.

– Да пошла ты, – бросаю я в ответ. – О чем ты вообще?

– Похоже, я теперь буду на всех ваших занятиях, знаешь, в качестве дополнительной пары глаз. Взрослая девочка, и тебе нужна няня? – язвит она.

Я не могу не улыбнуться этому:

– Я всегда была проблемным ребенком.

Она фыркает, но это больше похоже на смех, достает свой блокнот, тут же отворачивается от меня и сосредотачивается на словах учителя.

Я оглядываюсь на Ройса, который поднимает руки.

– Предосторожность, Рэй-Рэй.

Предосторожность, верно.

Они уже знают, что она не выдаст меня, даже если они попросят ее об этом. Это не в ее правилах, как забивать на проблемы – не в моих. Я думаю, они хотят быть уверены, что рядом со мной будет кто-то для поддержки в любое время на случай, если они куда-нибудь уедут. Кто-то, кто прибежит к ним, если понадобится, как она и сделала, когда Коллинз

напал на меня в ванной.

– Ты мой партнер по походам в туалет? – я шепчу ей, и она бросает раздраженный взгляд в мою сторону.

– Очевидно, да, но не в первый день в этом классе. Я не могу позволить себе провалиться. Подержи свои гребаные кулаки еще двадцать минут, и мы сможем заняться тем дерьмом, которым ты хочешь, на физкультуре, или в комнате для самостоятельных занятий, или... типа того.

Я откидываюсь на спинку стула, удовлетворенная, и подмигиваю Ройсу, когда он оборачивается на наш шепот.

Она понимает меня.

Глава 8

Мэддок

Рэйвен прикрывает либо Ройс, либо Виктория, а Кэп только что пошел на урок. Это дает мне целых тридцать минут, чтобы попытаться продвинуться вперед, понять хоть какой-то смысл того, что должно произойти.

Я проскальзываю внутрь, хлопая дверью, и он поднимает голову.

Он вскакивает на ноги с сердитым взглядом.

– Что, черт возьми, ты делаешь?

Его тон суров, но взгляд скользит за мое плечо, он хочет убедиться, что только один из нас прошел внутрь – как будто одного, черт возьми, недостаточно, – а потом смотрит на меня.

Он никуда не выйдет. Он заперт здесь, со мной, пока я не решу его выпустить.

– Итак, ты был на пути к тому, чтобы стать Брейшо, да? – Я изучаю его. – И все же твой брат стал Грейвеном.

– Я не Грейвен, – медленно произносит он.

Я почти готов поклясться, что он говорит это искренне, как будто эта мысль вызывает у него отвращение.

– Но Феликс *Грейвен* – твой брат...

– *Был.*

– Ты завидовал тому, как легко он добрался до вершины?
Он скалится.

– Мне предложили место рядом с ним, я отказался.

– Потому что ты надеялся стать частью команды моего отца.

Это срабатывает, челюсть Перкинса напрягается, его руки сжимаются в кулаки на столе.

– Ты ничего не знаешь, – шипит он.

– Как только она влюбилась в него и он попросил тебя защищать ее, ты ухватился за этот шанс, не так ли? – Его глаза слегка расширяются. – Скажи мне, ты был настолько глуп, чтобы просить ее, его власть?

Он стискивает зубы.

– Я никогда не хотел его власти.

– Нет, ты хотел его билет. Донли предложил Феликсу лучший, конечно, он мог получить его только в том случае, если наследница будет рядом с ним. – Я поясняю свою позицию. – И она была... пока не исчезла.

Он понимает, к чему я клоню.

– Спроси то, о чем ты пришел спросить.

– Ты отец Рэйвен?

Его глаза становятся напряженными, в них безошибочно читаются гнев и сожаление.

– Нет. Я не ее отец.

Я бросаюсь вперед, притягиваю его за галстук, пока его лицо не оказывается рядом с моим.

– Не лги мне, мать твою.

– Я не ее...

Я дергаю сильнее, и он стонет, его руки поднимаются, чтобы потянуть за атласный материал.

– Она исчезла чуть больше восемнадцати лет назад, Рэйвен скоро исполнится восемнадцать. Математика чертовски проста. Ты знал, что твоему брату обещали ее девственницей, поэтому позаботился о том, чтобы она ею не была! А потом что, вышвырнул ее, когда узнал, что она беременна? Просто хотел погубить ее, но ребенок ничего для тебя не значил, верно?!

Он дергается, поэтому я отталкиваю его, и его задница врезается в сиденье.

Он тут же вскакивает на ноги.

– Ты ничего не знаешь, и ты ошибаешься! Я любил ее! Меня бы, черт возьми, не волновало, что она беременна от кого-то другого, если бы даже я знал это наверняка, потому что я хотел *ее*! Не титул, который пришел бы вместе с ней, не деньги, не империю Грейвен, не что-либо еще. Только *ее*, – рычит он.

– Ты доверял ей.

Я резко оборачиваюсь и вижу Кэпа, стоящего там.

Я даже не слышал, как он открыл дверь.

Кэп продолжает беседу:

– Ты умолял ее уйти, быть с тобой и сбежать от всего этого, и она согласилась, не так ли?

Мой взгляд возвращается к Перкинсу, который пристально смотрит на Кэптена, и вдруг Ройс, стоящий прямо за дверью, привлекает мое внимание. Он кивает мне, переводя взгляд на двух других.

– Но в конце концов она предала тебя, – продолжает Кэп. – Оставила твою жалкую задницу позади.

– Не надо, – шипит Перкинс, его глаза умоляют.

– Итак, ты отомстил единственным способом, который, по твоему мнению, был возможен. Переспал с кем-то другим, надеясь, что она вернется и узнает об этом, но она так и не вернулась, да? – подначивает он его.

Сработало.

Тело Перкинса каменеет, лицо бледнеет.

Кэптен встает во весь рост.

– Каждая головоломка собирается по кусочкам. Я нашел твой. А что касается *документа*, который Коллинз спрятал в своем домике, того, который ты выбросил, думая, что Донли его обнаружит, – свидетельства о рождении моей дочери, – шипит Кэптен, и лицо Перкинса напрягается. – Мы украли его несколько недель назад. Чем, ты думаешь, он шантажировал Рэйвен, чтобы она была рядом с ним?

– Кэптен, ты не можешь оградить ее...

Кэп бьет его кулаком в лицо, прежде чем кто-либо успевает заметить движение его руки, и он отшатывается назад,

ударяясь о стену.

– Ты никогда больше не будешь диктовать, что мне делать с моей дочерью, ты меня понял?!

– Я только пытался защитить...

– Никто, блядь, тебя об этом не просил!

– У меня не было выбора! – огрызается Перкинс. – Как только я узнал, что Мэллори беременна, я понял, что должен забрать ее отсюда, спрятать до рождения ребенка. Донли знает о ваших отношениях, он наблюдает, поэтому, когда вы проявили первые признаки заботы о девушке, он ждал промаха. Если бы он узнал о ребенке, Мэллори была бы у него под каблуком, и Зоуи забрали бы в ту же секунду, как она родилась. Я не мог этого допустить. Я видел, что творят эти люди, как они могут взять невинную девушку и превратить ее в...

Равину.

– Ты, блядь, не имел права вмешиваться туда, куда тебя не просили, – плюет Кэптен.

– Эта девчонка выдоила бы тебя досуха. – Перкинс свирепо смотрит на него. – Посмотри, от чего она отказалась ради денег и устроенной жизни, и то и другое, как она чертовски хорошо знает, она могла бы получить *от тебя*, если бы просто осталась, если бы *захотела* остаться.

– Все это тебя не касается! – Кэптен кричит. – Это была моя проблема!

– Риск был слишком велик, чтобы оставлять это в твоих

руках! Даже если бы ты вел себя правильно, хотя ты этого не делал, ты все еще ребенок!

– Почему тебя это, блядь, волнует?!

– Ты знаешь почему! – огрызается Перкинс.

Кэптен резко выпрямляется, и мы трое замираем от слов Перкинса. Даже сам Перкинс кажется пораженным тем, что он это сказал.

Кэптен сглатывает, смотрит на меня, потом на Ройса и снова на Перкинса.

– Значит, это правда, – говорит Кэп через несколько минут. – И результаты теста на отцовство, которые я получу сегодня, докажут это.

Каждое действие имеет свою цель.

Лаборатория. Вот почему вчера ему пришлось пустить Перкинсу кровь.

– Да, – шепотом подтверждает Перкинс. – Не привози ее домой, хотя бы пока. Скоро она будет в безопасности, но не...

– Ты думаешь, мы не знаем, что либо она, либо Рэйвен? – Кэптен свирепо смотрит.

– Ты знаешь, – голос Перкинса – просто шепот, его отчаянные глаза смотрят в мою сторону. – Тогда почему девочка все еще здесь?

– Ты думал, мы просто так откажемся от одного из нас? – спрашиваю я.

Перкинс отступает.

– Держись подальше от Зоуи. Держись подальше от всех нас, – требует от него Кэптен.

Перкинс напрягается, его тон почти умоляющий:

– Она – моя кровь.

Кэп наклоняется, и словно глубоко из его груди вырывается:

– *Семья – это не только общая кровь.*

– Нет... – наконец говорит Ройс. – Он... – Он смотрит на Перкинса. – Ты отец Зоуи?

– Нет. – Кэптен пристально смотрит на мужчину перед ним. – Он мой отец.

* * *

Мы сидим в машине в то время, когда должны быть на уроке физкультуры. Никто из нас не произнес ни слова с тех пор, как мы покинули кабинет Перкинса, но я знаю, что у всех нас голова идет кругом.

– Я собирался сказать вам вчера, – начинает Кэп.

– Когда ты заподозрил, чувак? И вообще, черт возьми, как? – спрашивает Ройс.

– Только на прошлой неделе. Я нашел старую больничную карту в документах среди того дерьма, что Рэйвен дала нам, что мы посчитали пустышкой. Человек, о котором нам всегда говорили, что он мой биологический отец, заболел на первом курсе в Брейшо, пропустил полгода.

– Заболел?

– Раком яичек. – Он смотрит на меня. – Та бумага была отчетом о его операции. Что означало...

– У него не могло быть никаких детей.

Кэп кивает.

– И тогда еще Рэйвен рассказала о том, что Перкинс сказал Коллинзу: он защищал своих. Но в этом не было смысла. Смысл был только в том, что вначале он пытался спрятать ее не только от нас, но и от них тоже. – Кэп смотрит в окно. – Спрятать Зоуи – не защищало Грейвена, это защищало только ее саму.

– Он защищал ее... ради *тебя*, – говорит Ройс в замешательстве.

– Все это дерьмо длилось многие годы, он в нашем бизнесе, мешал нам делать глупости, отец позволял ему оставаться рядом. – Кэп оглядывается на нас.

– Отец знал все это время.

– Да.

– И он солгал нам.

– Почему? – вступает Ройс.

– Потому что, в конце концов, мой донор спермы или нет, Коннор Перкинс не был Брейшо. – Он снова переводит взгляд на нас. – В ту секунду, когда он согласился защищать Равину для Феликса, он стал Грейвеном.

Семья – это не только общая кровь.

Перкинс выбрал свою кровь, вот кому он был предан.

Черт.

– Воу, – тянет Ройс, наклоняясь вперед на своем сиденье. – Я знаю, что мы сейчас говорим о серьезных вещах, но эм... у нас тут пара дезертиров.

Наши с Кэпом глаза устремляются на лобовое стекло, и мы видим Рэйвен и Викторию, которые, пригнувшись, пробираются мимо багажников машин в двух рядах от того места, где мы припарковались.

Голова Рэйвен поворачивается через плечо, и она что-то говорит Виктории. Виктория в ответ отмахивается, но следует за ней.

Несмотря на то что у нас был чертовски трудный день, мы смеемся.

– Как далеко мы позволим им зайти? – Кэп вставляет ключ в замок зажигания.

Я хмурюсь, откидываясь на спинку сиденья.

– Она уже достаточно далеко зашла.

Он поворачивает ключ, заводя двигатель, и мы смеемся, когда Рэйвен замирает на полпути, заставляя Викторию врезаться себе в задницу, а затем грохнуться на землю.

Их взгляды устремляются в нашу сторону.

Рэйвен откидывает голову назад, пристально глядя в небо, в то время как Виктория лежит там, где она упала.

– Продолжай, Кэп. – Ройс хлопает его по плечу. – Давай схватим наших девочек.

Я приподнимаю бровь, глядя на ухмыляющегося Ройса.

– Ой, да ладно тебе. Рэйвен сказала, что она ей вроде как нравится, я предлагаю оставить ее тоже. Я даже поделюсь с Кэпом, так что все будет справедливо. – Он смеется, быстро опускаясь на сиденье, прежде чем Кэп успевает протянуть руку и прижать его.

– Пусть они подойдут к нам, – говорит Кэптен, нажимая кнопку разблокировки на дверях.

Это отнимает секунду, Рэйвен поднимает Викторию с земли, бросая на нее взгляд, и обе они останавливаются.

– Ах, черт. Посмотри на ее лицо. – Ройс показывает подбородком в сторону Рэйвен.

Ни свирепого взгляда, ни дерзкой ухмылки, ни признака нахальства в мою сторону. Она ничего не делает.

– Похоже, проблемы не только у нее, брат.

Похоже на то.

Рэйвен

Долбаное вау.

Вауууу.

Не уверена, что выдержу еще какие-то личные беседы. Я точно знаю, что им не следует ничем со мной делиться. Я понимаю это. Но раздражает, что обычно они сами хотят это сделать.

И как мне не свихнуться, если внезапно это изменится? От этого я хочу все специально испортить.

Доказывая, что она понимает меня лучше, чем другие, Виктория начинает рубить правду-матку, и не то чтобы я хочу ее слушать.

– Так вот как все теперь будет, да? – выпаливает она, понимая, что они не прочитают по губам, пока мы идем к ним. – Ты играешь роль хорошей маленькой овечки, а они делают что хотят?

– Заткнись.

– Держу пари, они даже позволят папочке начать указывать тебе, что делать.

– Я сказала, заткнись.

– Как ты думаешь, что будет дальше, а? Может быть, они будут меняться в постели каждый...

Разворачиваясь, я ударяю предплечьем ей в шею, одновременно засовывая свою левую ногу за ее. Толкаю ее и пихаю к машине рядом с нами, когда включается сигнализация.

Говорю ей прямо в лицо:

– *Заткнись* на хрен, Виктория.

Я жду, когда она оттолкнет меня, попытается отбиться. Она этого не делает.

Она ухмыляется, и мои глаза начинают сужаться.

Мы слышим приближающиеся шаги.

– Что, черт возьми, ты делаешь?

– Им нужно видеть, как ты злишься. Ты гребаная Рэйвен Карвер, боец по натуре. Ты делаешь то, что хочешь.

– Они уже знают это. Как ты думаешь, какого хрена мы

сейчас валим отсюда? Потому что в конце концов я сама принимаю решения.

Ее лицо каменеет.

– Речь об информации, а не о решениях. Не позволяй им держать тебя в неведении.

Я изучаю ее.

– Откуда ты знаешь?

Она на мгновение задерживает на мне взгляд.

– Заставь говорить их или иди к нему самому. Они его сыновья, но, в конце концов, Ролланд все еще главный.

– Виктория, – рычу я, толкая ее сильнее.

– Ты знаешь так же хорошо, как и я, что происходит во тьме.

Во тьме мы проигрываем.

Я отпускаю ее в ту же секунду, как подходят парни, и их взгляды скользят по нам, но они ничего не говорят.

Я смотрю на Викторию.

Она пристально смотрит на меня мгновение, расслабляясь, когда я облизываю губы и оглядываюсь на мальчиков, мальчиков, которые хмурятся, когда она отлепляется от машины и лениво кладет локоть на мое плечо.

– Что это было? – наконец спрашивает Ройс.

– Куда ты собралась? – задает вопрос Мэддок.

Кэптен же подходит ближе, его глаза изучают ее, прежде чем посмотреть на меня.

– Не надо, – шепчет он. – Позволь нам самим.

Мышцы Виктории напрягаются, но никто, кроме меня, этого не замечает.

Я не спускаю глаз с Кэпа.

– Когда?

Он оборачивается к братьям, которые сердито глядят на него и хмурятся в раскаянии.

– Пойдем, – говорит он, отходя в сторону, чтобы я могла пройти.

Когда я это делаю, он становится прямо перед Викторией.

Расправив плечи, она смотрит ему прямо в глаза, медленно перемещая взгляд на меня.

– Она остается, – говорит он мне, глядя на нее.

– Пока, – добавляю я.

Она пристально смотрит на меня мгновение, потом отступает и идет в школу.

Мы вчетвером едем на внедорожнике, но, когда Кэп должен свернуть налево к дому, он этого не делает. Вместо этого он поворачивает направо.

– Куда мы едем, Кэп? – спрашиваю я.

Он крепче сжимает руль, его глаза встречаются с моими в зеркале заднего вида.

– К Зоуи.

Глава 9

Рэйвен

После слов Кэптена никто больше ничего не произносит. Через полчаса езды мы выезжаем на узкую дорогу, вдоль которой растут пальмы. И сворачиваем на гравийную с разноцветными камнями и ярко-фиолетовыми цветами.

Аккуратно подстриженная трава простирается по обе стороны от машины – на площади размером в несколько баскетбольных площадок. Справа – игровая площадка, а слева – маленький пластиковый дом с фиолетовыми окнами и такими же фиолетовыми цветами по периметру.

Кстати о баскетбольных площадках – одна виднеется немного дальше по дороге – мини-корт с маленькими игрушечными корзинами с каждой стороны.

У меня сдавливает грудь, когда я вижу логотип волка, нарисованный в центре, будто это домашняя площадка Брейшо.

Будто это домашняя площадка ее папочки.

Я смотрю на Кэпа в зеркало и вижу легкую улыбку на его губах.

Я смотрю на Мэддока.

Он напряжен, уставился прямо перед собой, как будто не может заставить себя посмотреть по сторонам.

Я кладу свою руку в его, и его глаза встречаются с моими, он хмурится еще сильнее.

Затем я чувствую дуновение прохладного воздуха и смотрю на Ройса.

Он опустил окно, и его голова практически высунулась наружу, кажется, он осматривает каждый дюйм вокруг себя.

– Ты бывал здесь раньше, брат? – спрашивает Ройс.

Кэп качает головой:

– Только видел фотографии и видео нашего частного детектива.

Он ставит внедорожник на стоянку и мгновение сидит неподвижно.

– Ты так себе все представлял? – спрашиваю его я.

Он оглядывается вокруг, встречается со мной взглядом.

– Лучше.

Прямо в этот момент амбал в костюме появляется с правой стороны крыльца, а второй – слева.

– Охранники. Мило. – Ройс кивает.

– Полагаю, они не знали, что мы приедем? – спрашивает Мэддок.

Кэптен отстегивает ремень безопасности:

– Я никогда больше не буду просить разрешения увидеть свою собственную дочь.

С этими словами он открывает дверь и вылезает, но у нас

троих появляется одна и та же мысль, и мы не двигаемся с места.

Кэп делает всего несколько шагов, а потом входная дверь распахивается, и его встречают широко раскрытые глаза Марии.

Она недобро смотрит и делает полшага вперед.

Я кидаюсь к дверной ручке, но Мэддок быстр, и его рука накрывает мою.

Я бросаю на него злобный взгляд, но он не смотрит на меня. Его глаза устремлены на крыльцо.

Я оглядываюсь как раз вовремя, чтобы увидеть, как маленькая ручка сжимает бедро Марии. Ее глаза распахиваются, взгляд опускается к руке малышки.

Мэддок крепче сжимает мою руку, Ройс придвигается на край своего сиденья.

Ее маленькая головка высовывается следом, светлые волосы такие же выющиеся, как я их помню, и высоко на голове завязан фиолетовый бант.

Сначала она поднимает голову к Марии, но, когда Кэп делает еще один шаг, смотрит на него.

И самое прекрасное мгновение в моей жизни, совершенное, – она широко улыбается.

Ройс резко выдыхает, и слышится его тихий смешок, когда она втискивает свои маленькие плечи между дверной рамой и телом Марии и прыгает вперед.

Она так возбуждена, что, остановившись, притопывает

своими маленькими ножками, вытянув руки, будто он близко и уже может подхватить ее.

Я смотрю на Кэптена, и, конечно же, он дает своей малышке то, что она хочет. Он бежит к ней. Даже не потрудившись взойти по ступенькам крыльца, он протягивает руки. Она не колеблется.

Прыгает.

Он ловит ее, на мгновение высоко поднимает и потом прижимает к груди.

– Она понимает, кто он, – хрипит Мэддок.

Я смотрю на него, в моих глазах вопрос, но он не отводит свои.

– Мне было интересно, но...

Но он не мог спросить. Конечно, Зоуи мало видела Кэптена, и для трехлетки может быть трудно запомнить человека, когда каждую ночь она ложится спать не с ним. Впрочем, сейчас сомнений не остается. Она точно узнает своего папу.

Зоуи тут же заглядывает Кэпу через плечо, и ее спина выпрямляется. Она похлопывает его и указывает на внедорожник.

– Я думаю, она видит меня, – шепчет Ройс, как будто она может его услышать.

Кэп говорит ей что-то, она кивает, а затем щекочет ее, и она смеется, заставляя нас троих последовать ее примеру.

Он идет к нам, и наш смех замирает, тела застывают.

Я смотрю на крыльцо, где Мария поднимает руку, как буд-

то собирается остановить его, но затем ее пальцы взлетают к губам. Она делает шаг назад.

Мои глаза сужаются.

Она нервничает.

Мэддок сжимает ручку, и глаза Ройса быстро находят его.

– Да? – спрашивает он немного с надеждой, немного нервно.

Я ухмыляюсь.

– Иди.

Ройс хмурится.

– Ты тоже.

Я качаю головой, откидываясь на спинку и убирая ладонь с руки Мэддока.

– Нет. Это ваш момент. Идите.

Они мгновение колеблются, и, словно почувствовав это, Кэп останавливается в нескольких футах от капота.

Парни открывают дверцы и выходят.

Голова Зоуи вертится из стороны в сторону, и она сильнее прижимается к шее Кэпа, но не пугается. Может быть, немного нервничает, но только опускает подбородок на плечо отца и наблюдает за ними.

Оба останавливаются прямо перед ней, и она смотрит на Кэптена.

Я ловлю себя на том, что смеюсь. Могу поспорить, что малышка Зоуи покраснела.

Ройс подходит к ней первым и поднимает руку, чтобы дать

пять.

Зоуи улыбается, но вместо того, чтобы дать пять, она выставляет вперед костяшки пальцев, заставляя всех братьев засмеяться.

Зоуи пинает Кэптена, и он опускает ее на землю. Ее маленькие губки шевелятся, и она показывает на кукольный домик.

Кэп кивает и начинает идти, но Зоуи протягивает руку, и он предлагает ей свою, но она хочет еще и руки Ройса и Мэддока. Она пытается удержать их всех, но не понимает, почему у нее не получается, и хмуро смотрит на Кэптена.

Он смеется и пожимает плечами, глядя на нее, но Зоуи улыбается, хватая руки Ройса и Кэптена, сцепляя их вместе.

Я смеюсь, двигаясь ближе к окну на своем сиденье, затаив дыхание, когда она тянется к руке Мэддока. Она может сжать только два его пальца, другой рукой крепко держась за своего отца, и, черт возьми, в этот момент я бы хотела, чтобы у меня был телефон. Потрясающая картинка.

Кэп и Ройс держатся за руки, Зоуи держит Кэпа левой рукой, а Мэддока – правой. Одна маленькая светловолосая малышка, ведущая всех троих туда, куда она хочет.

Взгляд Кэптена возвращается к внедорожнику, и я замираю. Мгновение он смотрит, и я знаю, о чем он думает – не хочу ли я встретиться с ней. Я ненавижу сомнение, которое в нем появляется, но когда он смотрит на Мэддока, я понимаю, что и без моих слов он осознает причину.

Дело не в том, что я не хочу с ней встречаться, а в том, что это только их момент – племянницы и ее дядей.

Движение на крыльце привлекает мое внимание.

Мария отходит подальше, выуживая телефон из кармана, я хватаюсь за дверную ручку, быстро выскакиваю и несусь прямо к ней.

Она поднимает голову, глаза расширяются от изумления.

– Ты.

– Я.

Я иду вперед.

Она опять смотрит на свой телефон, а потом снова на меня.

– Не делай этого. Я не хочу бить тебе морду на глазах твоей охраны, – предупреждаю я, протягивая ладонь.

Она медлит секунду, но потом бросает мне на руку телефон.

– Кстати, это охрана *социального работника*, а?

– Охрана маленькой девочки, которую я защищаю днем и ночью.

– Когда не выдаешь себя за социального работника и не вытаскиваешь других девочек из их домов и не приводишь в новые?

Ее глаза сужаются.

– Некоторые сказали бы, что я привела тебя домой, а не вытащила *из твоего* дома.

Не могу с этим поспорить. Они – мой дом, больше, чем

что-либо другое в моей жизни.

– Тогда некоторые были бы правы, не так ли?

Она явно хочет что-то спросить, поэтому я держу зрительный контакт до тех пор, пока она этого не делает.

– С чего бы ему... зачем им понадобилось привозить тебя сюда? Почему они позволили тебе приблизиться к ней?

– Разве это не очевидно?

Она хмуро смотрит им вслед, потом издает глубокий вздох.

– Я беспокоилась, что это может произойти. Когда я прочитала твое досье, я подумала о таком исходе, но в тот день, когда я тебя встретила... – Она замолкает и хмурится. – В школе, где директор явно заботился о тебе, даже несмотря на то, что ты была непростым ребенком, и то, как Равина говорила о тебе и как ты справлялась с ней. – Я напрягаюсь при упоминании имени моей матери. – Твой настрой и выражение глаз, когда ты говорила со мной. Все в тебе было... освежающим. Я чуяла это нутром. Я предупреждала его, что ты станешь всем, чего они никогда не знали. Это делало тебя опасной для них, для этого мира. – Она смотрит на меня. – Но, в конце концов, мы все хотим того, чего не можем иметь.

Я изо всех сил стараюсь не нахмуриться.

Что, черт возьми, это значит?

Выражение ее лица немного смягчается, когда она спрашивает:

– Который из них?

– Как будто ты не знаешь.

– Я... – Она обрывает себя, но решает продолжать. – Я не знаю, – признается она.

Мои брови приподнимаются от ее смущенного тона.

– Это было в моем контракте. – Она громко сглатывает. – В обмен на заботу о ней мне не разрешалось искать или спрашивать что-либо о них или их жизни.

– Ты хотела заботиться о ней?

– Я бы не доверила это никому другому. – Она смотрит на меня в упор.

Я смотрю на нее с подозрением.

– Ты можешь попытаться прочесть мои мысли, но я уже говорила тебе, что когда-то я была как ты. Я могу скрывать то, что хочу, от кого хочу.

– И все же ты стоишь здесь и выдаешь больше, чем осознаешь.

– Кто сказал, что я не осознаю? – протягивает она.

Я усмехаюсь. *Верно.*

Я смотрю на парней.

Зоуи пытается втолкнуть Ройса в кукольный домик, но он падает на траву, и Зоуи смеется над ним.

Она наклоняется и ударяет его в грудь ладонями, а потом забирается прямо по нему внутрь домика, где уже, должно быть, сидят другие два.

– Кому ты собиралась звонить? – спрашиваю я, предполагая, что она не ответит.

Но она отвечает:

– Ролланду.

– Тоже согласно контракту?

Она отворачивается и идет к внутреннему дворику, где может скрыться от глаз, но все равно смотрит на девочку. Я следую за ней и сажусь на стул.

– Ты не должна судить о том, чего не знаешь.

– Я сужу о том, что знаю, и я знаю, что дочь Кэптена здесь с тобой, а не дома с ним, где ей место.

Игривое рычание привлекает наше внимание, и мы оглядываемся.

Кэптен держит Зоуи на плечах, когда гоняется за Ройсом, а Мэддок в это время с улыбкой стоит, прислонившись к маленькому домику. С настоящей улыбкой.

Не ухмылкой, не гримасой. Взгляд открытый и любящий, устремленный на племянницу.

Как всегда, он чувствует, что я смотрю на него, и его внимание переключается на меня.

Раздумья омрачают его черты, гнев и, похоже, боль.

Улыбка мгновенно исчезает, но уголок его губ слегка приподнимается.

Это вынужденно.

То же самое болезненное выражение на лице Ройса, но в тот момент, когда мои глаза встречаются с его, он облизывает губы и отводит взгляд.

Кэп ободряюще мне улыбается, но его внимание быстро

привлекает малышка, которая теперь призывает их следовать за ней, как и должно быть.

– Да-вай, да-вай. – Она смеется. – Я делаю это, я делаю это.

Мои брови приподнимаются.

– Что ты делаешь, Зо? – спрашивает Кэп, щекоча ее бока. Она бежит быстрее.

– Бросок, папочка! – драматично говорит она, заставляя меня улыбнуться.

Она останавливается и бросается к нему, хватая его за пальцы и тащит за собой.

– Она научилась бросать мяч в корзину, – грустно говорит Мария.

Мои глаза скользят к ней, но она только продолжает тепло улыбаться Зоуи.

– Она все время смотрит его игры, у нас они все записаны на видео. Он – ее любимое шоу. Ее любимая сказка на ночь. Любимое все.

В груди саднит, и я даже не могу смотреть на них, когда они идут к маленькой площадке.

– Ты и все, кто в этом замешан, – испорченные личности. – Ее глаза неохотно встречаются с моими. – Ты думаешь, он или его братья не захотели бы первыми показать ей это? Бьюсь об заклад, Кэптен не раз разыгрывал эту сцену у себя в голове, лежа в постели. Что бы он сказал, как бы объяснил, как поставить запрястье так, чтобы она поняла. Как

она должна стоять, на чем ей следует сосредоточиться. Это он, конечно, надеялся объяснить ей сам. Ее первая корзина.

Слезы Марии застают меня врасплох, но я этого не показываю.

– Я знаю, – хрипит она. – Я пыталась избежать этого, но она просто хотела быть похожей на него. Она все время говорила, что хочет ему показать, просила мяч, так что я ей его подарила, но потом она заплакала из-за баскетбольного кольца. Я не могла отказать ей. Ей еще нет и трех лет, и она увидела, просто посмотрев его игру на видео, как он любит этот спорт. Она тоже хотела поиграть.

Мои ребра болят, но я не обращаю внимание.

– Ты не оставишь ее себе, – говорю я.

К моему удивлению, она позволяет слезам катиться по щекам, но сейчас это для меня не важно.

– Не имеет значения, как сильно ты хочешь ее, а я могу сказать, что ты хочешь, она не твоя. Они отвезут ее домой.

Мария сглатывает.

– Да, – шепчет она. – Я слышала. – Ее глаза возвращаются к моим. – Но, похоже, что-то стоит на пути ее возвращения домой.

Быстрый переход от печали к неуважению.

– Я в курсе, – лгу я, говоря сквозь зубы.

– Тогда перестань давать им надежду, что они смогут сохранить вас обоих, – шипит она. – *Каждый* здесь служит какой-то цели. Не бывает совпадений, не бывает случайностей.

Ты оттягиваешь неизбежное, и, в свою очередь, Зоуи каждую ночь ложится спать и признается в любви фотографии отца, а не ему самому.

Что...

Я оттягиваю, сказала она, не они. Сохранить нас обеих?

Кого нас? Меня и Зоуи?

Нет, нет, нет, нет.

Черт, меня сейчас вырвет. Мой желудок скручивается, волна жара пробегает по телу, и на шее сзади выступают капли пота. Все мое тело вспыхивает.

Черт возьми.

Я делаю паузу, отворачиваюсь и закрываю глаза. Делаю глубокий вдох, а когда открываю их и оглядываюсь, один из охранников направляется ко мне.

Мои мышцы напрягаются, но тут же расслабляются, когда он протягивает мне бутылку с холодной водой.

– Мисс Брейш, – он кивает.

Он застает меня врасплох, но через секунду я беру у него бутылку.

Он уходит, и я делаю несколько маленьких глотков, чтобы успокоиться.

– Они люди Ролланда, – говорю я, изо всех сил стараясь осознать то, что она только что сказала, но у меня в голове бардак, я понятия не имею, что это на самом деле значит.

– Они люди Брейшо, – поправляет она пытливым тоном. – *Твои* люди.

Я усмехаюсь.

– Ты знала все это время, не так ли?

– Догадывалась, но уверена стала, только когда мы пошли за твоими вещами.

По тому, как она упомянула мою мать, я поняла, что она ее знала.

– Когда ты увидела ее своими глазами.

Мария кивает.

– Да, – шепчет она с сожалением. – Женщина, которую я увидела, была не той Равиной, которую я знала.

Я не спрашиваю, потому что мне, черт возьми, наплевать, но ее следующие слова меня поражают.

– Когда-то она была моей лучшей подругой.

Я не могу скрыть удивления, мои глаза расширяются. Ее лучшая подруга?

– Ты местная.

Она усмехается.

– Ты никогда бы не узнала. Мое имя здесь стерто давным-давно. – Ее глаза перемещаются на меня. – Я никогда не была достаточно сильна для этого мира. Я не была такой, как ты. Я была слишком слабой, эмоционально и физически. Слишком наивной. Я не видела ножа, пока не почувствовала его у себя в спине.

Я смотрю на нее, не понимаю, почему она решила так изливать душу.

Она слегка улыбается.

– Я знала, что ты еще не в курсе.

Я продолжаю смотреть.

– Ты бы ни за что не сидела здесь, если бы знала. – Она косится на четырех Брейшо, так что я наконец сдаюсь и делаю то же самое. – Возможно, я не очень хорошо тебя знаю, но от тебя веет духом свободы, тем, к чему здешние люди не привыкли. Тебя нельзя контролировать, ты бунтуешь, ты давишь, ты *задаешь вопросы*. Твой разум работает немного иначе, чем у тех, кого мы знаем. Я думаю, именно поэтому Ролланд боится твоего влияния.

– У Ролланда есть проблемы посерьезнее меня.

– Я бы не была так уверена, – выдыхает она.

Парни притворяются, что охраняют Зоуи, и она поднимает свои маленькие ножки – сначала одну, затем другую, качается с мячом из стороны в сторону, делая умильную попытку обманного маневра, а потом обегает Ройса и бросает мяч в небольшое кольцо, которое подвешено чуть выше нее. Она так ликует, когда удается бросок, чуть не падает, но Мэддок ее подхватывает.

– У нее больше никогда не будет и царапины на колене, если эти трое будут рядом... – ее голос затихает.

Она пристально смотрит на Мэддока и Зоуи, и ее губы сжимаются, на лбу образуется глубокая складка.

Подождите.

Она знает, что я наблюдаю за ней, и медленно ее глаза возвращаются ко мне. Она ничего не скрывает, показывая

свою боль потери и... желание.

Что-то ударяет меня по ноге, я опускаю глаза и вижу маленький баскетбольный мяч у своих ног.

Шаги эхом отдаются по цементу, и я замираю, по какой-то причине не в силах поднять взгляд, но затем татуированные костяшки пальцев ложатся на мяч, и я поднимаю глаза.

Кэп протягивает руку, касается моей щеки, его сине-зеленые глаза смотрят на меня.

– Перестань, – шепчет он, затем наклоняется к моему уху, чтобы Мария не услышала. – Все в порядке. Я тоже сначала испугался. Следующий раз *будет*, Рэйвен.

Я сжимаю его запястье и отпускаю только тогда, когда это уже необходимо, и он возвращается к своей семье.

Мой взгляд скользит вправо, и я замечаю Зоуи, ее большие глаза прикованы ко мне. Она убирает свои светлые волосы с лица. Ее маленькая ручка поднимается, и она почти застенчиво машет мне своими крошечными пальчиками.

Мышцы моего живота напрягаются, а зубы сжимаются, когда кровь начинает давить мне в глаза. Каким-то образом мне удастся поднять руку и помахать в ответ.

На ее лице мгновенно расплывается широкая улыбка, и я прикусываю язык.

Она разворачивается и бросается в объятия Ройса.

– Туда!

Она показывает на заднюю часть дома, которую мне не видно, и они исчезают.

– У нее там маленький поезд, который ходит вокруг дерева, ей очень нравится.

Мне тоже, малышка.

Я поднимаюсь на ноги и иду обратно к машине.

– Рэйвен, – зовет Мария.

Я не оборачиваюсь, но останавливаюсь.

– То, что ты не знала любви в детстве, еще не значит, что ты не узнаешь, как это – любить кого-то.

Это правда?

Глава 10

Рэйвен

Только когда солнце начало садиться, до машины доносится звук шагов. Я сажусь и вижу в полуоткрытое окно, что Мария вернулась ко входной двери, а Кэптен провожает до нее Зоуи.

Она мгновение колеблется, но затем предлагает ему войти.

Все трое исчезают за дверью.

Мэддок и Ройс подходят к охранникам, вероятно, чтобы их допросить.

Я перевожу взгляд с них на дом, на баскетбольную площадку, и гнев наполняет мои вены.

Намек Марии на защиту Зоуи любой ценой был кристально ясным.

Я или Зоуи.

Я вытаскиваю нож из-за пояса и впиваюсь взглядом в надпись.

Семья – это не только общая кровь, но Зоуи – *их* кровь. Они любят ее всем своим существом. Я посторонняя. Как они посмели поставить меня в такое положение?

Как они смеют позволять своим чувствам ко мне затуманивать их разум?

В данном случае никакого риска, никаких огромных жертв.

Они оттягивают неизбежное.

Мне стало понятно, что это место больше, чем огромная старшая школа и ее соперники, хотя последние четыре года это был их мир. Больше, чем команда, которую они создали, и их планы на будущее после школы.

Этот город и его тайны обладали силой, способной заставить влиятельного человека, Ролланда Брейшо, оставаться в тюрьме вместо того, чтобы вырваться на свободу. Удерживали жаждущую денег шлюху подальше, заставляя ее жить в захудалом трейлере с ребенком, которого она не хотела, вместо роскошного особняка. Прятали меня, прятали Зоуи, гнали Марию. Причины могли быть непонятны, но результат очевиден. Если это место может делать все эти вещи, то взять меня – это детский лепет.

Тайна Брейшо возвращается не случайно, а с какой-то целью. Отдай одно, чтобы спасти другое.

Парни направляются к машине, и с каждым шагом их ноги волочатся все медленнее, плечи и головы опускаются все ниже.

Это убивает их.

И как будто одного этого зрелища недостаточно, входная дверь распахивается, и показывается заплаканное лицо Зоуи

с растрепанными светлыми кудрями.

Она плачет, зовет своего папу, и все трое останавливаются как вкопанные.

Кэптен резко разворачивается, опускаясь на колени как раз в тот момент, когда Зоуи подбегает к нему, ее маленькие ручки обвиваются вокруг его шеи, и у меня застревает ком в горле.

Мой взгляд перемещается на Мэддока, но он не смотрит на девочку, отчаянно пытающуюся удержать своего отца. Его глаза устремлены на внедорожник, скулы напряжены, губы сжаты в твердую линию.

Он поднимает руку к лицу, проводит пальцами по челюсти и накрывает ладонью весь рот. Он сжимает челюсть, его глаза опускаются.

Я лежу поперек сиденья, уставившись в потолок.

Я почти уверена, что эта поездка обернется неприятными последствиями.

Мы приехали сюда, чтобы Кэп мог поделиться с нами своим миром, чтобы объединить всех, пока они не смогут выбраться сюда снова. Убедить их, что это был правильный шаг, попытка удержать нас обоих, отсрочка.

Всегда нужно чем-то пожертвовать.

Проходит несколько минут, и все трое наконец садятся в машину, и я ощущаю их тяжесть, она угрожает раздавить меня, но гнева мне достаточно, чтобы взять себя в руки.

Дорога домой проходит в тишине.

Как только мы добираемся до дома, мы вчетвером вылезаем из внедорожника и идем наверх.

Ройс и Кэптен исчезают в своих комнатах, а Мэддок останавливается возле моей.

Он хватает меня за подбородок, его глаза подозрительно бегают по моему лицу. Он знает.

– Сегодня мы будем спать в моей комнате, – говорит он, и мне остается только следовать за ним.

Он включает душ, поэтому я начинаю снимать с себя одежду, бросаю ее на пол и вхожу к нему.

Мы заходим внутрь, и он толкает меня под струю, нежно обнимая за плечи. Он гладит руками мои волосы, пока они пропитываются влагой, пробегая пальцами по позвоночнику до изгиба ягодиц. Он спускается к бедрам и отворачивает меня от себя.

Его голова опускается на мою шею, и он целует ее до того, как легкий укус пронзает мне кожу. Губами он касается моего уха, но слова так и не срываются с них.

Я поворачиваюсь в его руках, отступая назад, пока лопатки не касаются прохладной плитки, притягиваю его к себе.

Он напирает на меня, его глаза встречаются с моими, и я понимаю.

Он знает.

Вот оно.

Заботливый богатый мальчик не должен был влюбляться в проблемного ребенка из неблагополучного района, а про-

блемный ребенок не должен был позволять себе верить, что в ее мире возможно что-то большее, чем выживание.

Я провожу языком по зубам, приподнимая подбородок, чтобы зажать между ними его нижнюю губу. Я сжимаю ее, пока он слегка не зарычит.

— Моя малышка. — Его глаза закрываются. — Она не просто так показывает зубы, — шепчет он, проводя языком по ране. — Она *кусаются*.

Его губы касаются моих, и он целует меня грубо, требовательно, но потом все меняется. Его мышцы расслабляются, руки скользят по моим волосам с нежностью, которую он изо всех сил пытается сдерживать. Он наслаждается каждым движением языка, каждым поцелуем.

Он не торопится, зная, что у нас больше нет времени. Завтра все изменится.

Мэддок

Кэптен выходит из своей комнаты около четырех утра и останавливается как вкопанный, когда замечает меня, сидящего у стены возле своей двери.

Он подходит, внимательно разглядывает меня.

Я киваю, и он опускается на пол напротив. Он дважды стучит костяшками пальцев по стене сзади, и не проходит и пяти секунд, как появляется полусонный Ройс.

Он хмурится при виде нас, но медленно садится рядом с

Кэпом.

Я перевожу взгляд с Кэптена на Ройса.

– Она знает.

Ройс смотрит на мою дверь.

– Что это значит?

Я поднимаю на него взгляд, и осознание поражает его.

Он закрывает глаза, откидывая голову на стену.

– Мы берем ее, или она сбежит.

Грудь Кэптена поднимается с глубоким вдохом, и он смотрит в конец коридора.

– Кэптен. – Он облизывает губы, как будто слова застряли и их нужно протолкнуть наружу. – У меня есть идея. – Он издает вымученный смешок. – Я, черт возьми, понятия не имею, сработает ли это, но я знаю, что вам это не понравится.

– Твою мать, чувак, – хрипит Ройс, пощипывая переносицу.

– Это спрячет ее от них?

– Вроде того. – Глаза Кэптена встречаются с моими. – Но не только от них.

Мое зрение затуманивается, поэтому я прикрываю глаза. Дыхательные пути словно склеены, я сглатываю сквозь скрежет в горле и выдавливаю единственную вещь, в которой в этот момент уверен на сто процентов:

– Я доверяю тебе.

Глава 11

Рэйвен

– У тебя есть ко мне вопросы? – тихо спрашивает Ролланд.
Я усмехаюсь, глядя в окно.

– Ни одного такого, на который я могла бы надеяться услышать правду в ответ.

– Справедливо.

Я смотрю на него.

– Справедливо? – повторяю я. – *Справедливо?* – Я поворачиваюсь на сиденье, чтобы оказаться к нему лицом. – Ты сейчас серьезно? – Я таращусь на него, разинув рот.

– Я просто имел в виду, что могу понять, почему ты мне не доверяешь. Я не давал тебе поводов для этого.

Я горько смеюсь.

– Ты серьезно сидишь тут и говоришь так, будто мы едем на гребаный баскетбольный матч и просто болтаем в пути?

Он переводит взгляд на свой телефон, печатая что-то.

– Мне жаль, что ты думаешь, что...

Я выхватываю телефон у него из рук, и его взгляд устремляется на меня.

Мои глаза сужаются.

– Я не уверена, что ты вообще знаешь своих парней, если думаешь, что все не окажется ровно обратным тому, что ты, черт возьми, придумал в своей голове. Я знаю их, каждого из них. Они *никогда* бы не согласились остаться в стороне в таком деле. Я могу обещать тебе, что это будет совсем не так, как тебе бы хотелось.

Его лоб хмурится, и он снова откидывается на спинку сиденья.

– Что, ты думаешь, они будут делать?

– Я не знаю, но я предлагаю тебе вернуться к тем остаткам разума, которые у тебя, кажется, есть, и понять это – или придется стоять тут и, выпучив глаза и напрягаясь, объяснять всем, какой ты великий лидер, но при этом даже своих собственных сыновей не можешь держать в узде. – Я наклоняю голову. – Как ты сможешь контролировать целый город, дорогой Брейшо?

– Ты говоришь так, будто хочешь, чтобы я управлял ими.

– Можно подумать, тебе бы это удалось, если бы ты попытался, – выдавливаю я сквозь стиснутые зубы. – Я хочу только, чтобы ты понял и принял изменение, которое ты отказываешься видеть.

Мгновение он смотрит на меня.

– И что это за изменение, Рэйвен?

Машина замедляет ход и останавливается, замки на дверях открываются.

– То, что когда-то было твоим, больше тебе не принадле-

жит. Это их город, и лучше, если ты поймешь это сейчас, Ролланд. Мне бы не хотелось, чтобы ты смущался, когда отдаешь приказ, а все взгляды устремлялись на них за подтверждением. – Я толкаю дверь и иду прямо к парню, блокирующему вход напротив того места, где мы припарковались, не обращая внимания на пистолет, торчащий у него из штанов.

Он вытаскивает металлоискатель, его глаза прикованы ко мне, когда он проводит им спереди, останавливаясь, когда раздается звуковой сигнал на уровне пояса моих джинсов.

Он смотрит на меня:

– Оружие запрещено.

– Ты хочешь сказать мне, что люди внутри, люди, которые управляют целыми городами и встречаются на заброшенном складе на грязной стоянке, не имеют при себе защиты?

Парень неодобрительно смотрит.

– Серджио, пожалуйста, познакомься с Рэйвен Брейшо. – Ролланд подходит ко мне сзади.

Взгляд *Серджио* возвращается ко мне, и он, опуская голову, со вздохом делает шаг в сторону.

Я усмехаюсь, протискиваясь через железную дверь, которая начинает медленно открываться.

Нас встречают еще двое охранников, но они не смотрят в глаза ни одному из нас.

Они тоже опускают головы и отходят в сторону.

Несколько футов – и стены меняются. От старого ржавого железа до черных портьер – и одна из них в конце коридора.

Она открывается перед нами, и мы входим в небольшое пространство. Занавес позади нас закрывается, а другой, впереди, раздвигается.

Мой пульс учащается.

Я не осознаю, что нервно дергаю ногой, потом Ролланд наклоняется ко мне, чтобы прошептать:

– Успокойся, Рэйвен. Ты должна быть уверена, что все будет улажено. Они почуют твой страх и сомнения.

– Пошел ты, – шепчу я в ответ и делаю глубокий вдох. – Я не боюсь и не сомневаюсь.

Сначала за занавесом видно стул, затем открываются другие стулья, уже не пустые. На каждом сидит человек, и за каждым человеком стоит другой.

– Готова? – спрашивает Ролланд и протягивает мне локоть.

Я продвигаюсь вперед одна.

У мужчины в конце комнаты дергаются губы. Я пристально смотрю на него.

Тихий смех за его спиной заставляет меня бросить взгляд за его плечо.

Алек Дениелс.

Он мне подмигивает, и мои мышцы слегка расслабляются.

И снова мой взгляд обращается к мужчине в кресле перед ним. Загорелая кожа, татуировки, расползающиеся по шее, – он единственный здесь в джинсах и футболке.

Это, должно быть, босс Джо – Трик Ривера, семья Ри-

версайд.

Движение справа привлекает мое внимание, и я замечаю телохранителей, занимающих каждый дюйм помещения, один на три-пять футов, они не смотрят в глаза, но они наблюдают и видят все.

– Ах, – хриплый голос раздается из-за моей лопатки, и я оборачиваюсь на вход, как раз когда Донли и Коллинз входят с высоко поднятыми головами.

Донли поднимает руки:

– Принцесса прибыла. – Он мерзко улыбается. – И так пунктуальна.

Я смотрю на Коллинза, который, к моему большому удивлению, лишь слегка кивает:

– Рэй.

– Коллинз.

Я наблюдаю за ним, когда они с Донли направляются к мужчинам на стульях. Пожимая руки каждому из них, оба фокусируются на пустом стуле на мгновение дольше, чем необходимо.

Мои глаза напрягаются, снова осматривая комнату.

Пять семей, пять стульев, но только четыре заняли мужчины передо мной.

Мой взгляд скользит к Ролланду, и он предупреждающе кривится. Я не успеваю сдержаться и смеюсь, и внезапно все взгляды устремляются на меня.

Один из мужчин в костюме выдвигается вперед, положив

локти на колени.

– Ты очень похожа на свою мать.

– Обидно это слышать, – мгновенно отвечаю я.

Мне кажется, я застаю его врасплох, и он слегка смеется.

– Я вижу, ты гораздо более откровенна, чем она.

– Давайте без ненужных шуток. Я здесь не просто так.

– Действительно. – Мужчина ухмыляется, его взгляд перемещается на Ролланда. – Я полагаю, она знает все о том, кем ей придется быть?

Ролланд открывает рот, чтобы заговорить, но я делаю шаг вперед.

– Вам, господа, может нравиться притворяться, что женщины слабы и у них нет голоса, но я не такая и говорю то, что хочу. Я могу говорить за себя. – Я смотрю мужчине прямо в глаза, наслаждаясь тем, как он напрягается от удивления.

– Я вижу. – Он откидывается назад, мгновение смотрит на остальных, а потом снова на меня. – Мисс Брейшо, я Келвин Грейсон.

Я моргаю, глядя на него.

Он едва сдерживает усмешку. Ему не может быть больше двадцати пяти, если это так.

– Мы здесь просто как свидетели. Ваш город – это ваш город, ваши проблемы с семьей Грейвен – это ваши проблемы. Несмотря на это, представители разделенного города не могут быть членами совета наравне с нами. Для этого было придумано образовать союз еще до вашего времени. Чтобы

мы стали сильной единицей, мы должны быть именно такой единицей. Разделенный город слаб. Было решено, что, если Брейшо публично согласится на брак с Грейвеном, Грейвены воспримут это как акт доброй воли, и Брейшо окончательно возьмут на себя руководство. – Он поворачивается к Донли. – Все верно, Донли?

– Все верно. – Он переводит глаза на меня. В них отчетливо светится победа. – Она вступает в брак, объединяет наши семьи раз и навсегда, мы больше не стремимся к власти, поскольку сила придет к нам со временем.

– Рэйвен. – Мой взгляд возвращается к татуированному мужчине.

Он объявляет, кто он такой:

– Я Трик Ривера. Ты понимаешь, о чем они говорят, верно? – Он смотрит на меня. – Ты должна *принять* этот брак.

Донли усмехается, и глаза Трика темнеют, когда он смотрит в его сторону, на лице появляется свирепое выражение.

– Уверяю вас, я *всегда* делаю только то, что хочу, – говорю я ему. – Из-за кое-чего, о чем Коллинз хорошо осведомлен, возможно, это он должен *принять* меня, сучью невесту.

Тихие смешки разносятся по комнате.

– Без колебаний, Рэй. – Коллинз выпячивает грудь, даже не утруждаясь посмотреть в мою сторону.

Я прикусываю щеку.

– На самом деле, – протягивает Донли, его ухмылка так же отвратительна, как и его присутствие, – я выбросил этот

маленький пункт из договора давным-давно, и это принесло мне сбежавшую невесту. Я не хотел бы, чтобы и с Рэйвен так получилось, особенно учитывая то, что Коллинз и так уже женится на нечистой невесте, когда нам обещали девственницу. По договору она моя, несмотря ни на что, тем не менее... – Он замолкает, его глаза встречаются с моими. – Я не думаю, что сегодня мы будем кого-то принуждать.

Кусок дерьма.

Мужчина, который выглядит старше всех, с любопытством изучает меня.

– Мисс Брейшо, я Хасиенда Ромеро из Хасиенда Хайтс. Добро пожаловать домой. – Я киваю, мне нечего сказать незнакомцу. – Не обращая внимания на демонстрацию силы Донли, которой он не обладает, – замечает мужчина, – если хотите, пожалуйста, сделайте объявление, ради которого вы собрали нас здесь сегодня, чтобы мы могли заняться своими делами.

– Не забудьте сначала назвать свое имя, – напоминает Трик с легким кивком.

– Я Рэйвен Брейшо, – говорю я без колебаний, с онемевшим телом и разбитым сердцем. – И я признаю союз между семьями.

– Ты хочешь выйти замуж за Коллинза Грейвена?

Я смотрю на Коллинза, который смотрит на меня открытыми, честными глазами. В них сияют извинение, сожаление и надежда одновременно.

Он действительно этого хочет?

– Я буду добр к тебе, клянусь, – говорит он прямо перед всеми, как будто мы стоим здесь вдвоем.

Заносчивый ублюдок.

Я смотрю вперед.

– Да.

Не проходит и секунды после единственного хлопка Донли, как атмосфера в комнате меняется.

Мне не нужно смотреть, чтобы узнать, кто идет, шаги моих парней вибрируют на полу под нами.

Мой взгляд скользит по Ролланду, и я вижу напряжение, которое охватывает его в одно мгновение.

– Это будет тяжело, Рэйвен, – быстро шепчет он. – Мне так жаль.

С глубоким вздохом я поворачиваюсь, мое сердце ухает вниз при виде парней.

Я борюсь с желанием подойти к ним, проглотить гнев, исходящий от каждого дюйма Мэддока, выжечь вопрос в его глазах, во всех их глазах.

– Вы опоздали на вечеринку, ребята, но не волнуйтесь, вы получите приглашения на настоящий праздник по почте, – Донли улыбается, делая шаг вперед.

Он толкает Коллинза в мою сторону, и мои глаза возвращаются к Мэддоку, но он хорошо скрывает свои эмоции.

– Я хочу, чтобы ты держался от нее подальше, – осмеливается Коллинз. – Рэйвен принадлежит...

– Грейвенам, – обрывает его Кэптен, его голос сильный и решительный, голова поднята высоко, на пальцах поблескивают латунные кастеты. – Я здесь, чтобы заявить право на это место. – Он встает рядом со мной, и вся комната замирает. – Рэйвен должна быть моей.

Что.

За.

Черт.

Глава 12

Рэйвен

Воздух застревает у меня в горле, онемение бежит от шеи до пальцев ног.

Эти четыре слова, хотя я и не понимаю их значения, должны принести мне облегчение, но вместо этого меня сковывает страх.

Я верю, что Мэддок пошел бы рука об руку со своим отцом, с этим городом, с этими людьми, если бы мог. Он сделал бы все, что в его силах, чтобы удержать меня, сражался бы лицом к лицу, если бы дело дошло до драки и не было бы места разумным решениям, если бы Зоуи не подвергалась риску.

Но Кэптен?

Эти два брата любят друг друга всей душой, и что-то угрожает разорвать связь между ними.

Я?

– Нет, – шепчу я, качая головой, и за этим следует череда недовольных гримас – не только от Мэддока.

– Стойте, – говорит требовательно Кэптен. – Равина Брейшо была обещана главному Грейвену. – Его взгляд падает на

Донли. – Это не значит, что ее дочь по умолчанию переходит к его сыну.

– Она должна выйти замуж за Грейвена, – добавляет Коллинз, делая шаг вперед.

– Ты прав, *брат*.

Меня подташнивает.

Брат.

– Кэп... – кажется, я сказала это громко.

– Донли, – говорит человек, который обратился ко мне вторым.

Донли хмуро смотрит на Кэптена, но через мгновение его лицо краснеет от гнева.

– Что за черт?

– У меня есть тест на отцовство...

– В нем нет необходимости. Рэйвен согласилась на этот брак; теперь твоя дочь не имеет для нас никакого значения.

– Я знаю, – говорит он, вежливо и спокойно. Слишком спокойно.

– Тогда в чем дело?

Кэптен сует конверт в грудь Коллинзу.

– Открой.

– Что там? – нерешительно спрашивает он, его глаза на мгновение встречаются с моими.

Кэптен ничего не говорит, и несколько человек встают, пока Коллинз вскрывает конверт.

Несколько мгновений его глаза скользят по сложенным

документам, на лбу образуется глубокая складка.

– Это... это не может быть правдой, – говорит Коллинз, глядя на Донли, когда тот выхватывает у него конверт.

Кэптен обращается к остальным в комнате, избегая взгляда своего отца.

– Как вы знаете, во мне нет крови Брейшо.

Донли, злясь, швыряет бумаги на пол.

– Семья – это не только общая кровь, – издевательски про-
износит он.

– Я в курсе. Я не претендую на то, чем ты являешься, не представляю ничего из того, чем ты был, – решительно говорит Кэп. – Но мой настоящий отец был с Грейвенами, в то время как мой приемный отец – Брейшо. Разве это не дает мне права просить об этом?

– Кэп, – хриплю я, моя рука движется к горлу, дыхание становится все громче.

Он продолжает:

– Меня лишили права голоса. Я здесь, чтобы вернуть его себе.

Наконец Кэптен поворачивается ко мне, горе, боль и осознание затуманивают его светлые глаза. Мое тело выгибается вперед от силы, с которой его боль обрушивается на меня. Его взгляд напрягается еще больше, когда он говорит:

– Брейшо и Грейвен – это ведь требуется, да? – Его глаза прикованы ко мне, когда он говорит это, но его слова предназначены оппонентам. – Это даст Брейшо власть. – Он смот-

рит на Донли. – Но как насчет Грейвенов? Они получают только королеву?

Коллинз вырывается вперед, но Ройс быстро встает перед ним.

Донли обходит их и приближается к Кэптену, Ролланд идет к своему сыну, когда враг подкрадывается ближе.

Мгновение он смотрит на Кэптена и ничего не может с собой поделать. Он спрашивает:

– Что ты предлагаешь, *сын*ок?

– Поменять правила игры. – Кэптен поднимает подбородок. – Рэйвен будет моей, я – ее, и вместе мы станем главами империи. Никто ничем не жертвует. Начинается новая эра. Оба – Грейвен и Брейшо – под Грейвен и Брейшо.

– Что заставляет тебя думать, что мы не сможем сделать это без тебя? – спрашивает Донли.

– Неважно, что я думаю, важно то, что я знаю. Я сильнее Коллинза. У меня есть влияние, которого у него никогда не будет, уважение, о котором он может только мечтать, и любовь Рэйвен, которую, могу вам пообещать, он никогда не получит. Ты хотел, чтобы Равина любила своего мужа, вот почему ты выбрал Феликса. Со мной тебе удастся это осуществить.

– И что ты хочешь взамен? – спрашивает Донли.

– Ты имеешь в виду, помимо того, что я буду знать, что Рэйвен окружена заботой, под защитой и вдали от тебя? – Кэптен свирепо смотрит. – Безопасность моей дочери. Твое

письменное слово, прямо здесь и сейчас и перед всеми, что она становится неприкосновенной, не имеющей отношения к тебе и всем остальным, кто считает, что она не моя и не мне следует заботиться и защищать ее. Навсегда.

У меня начинает кружиться голова, я ловлю ртом воздух.

Донли хмурится, но ясно, что он колеблется:

– Это в интересах твоего собственного имени.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.